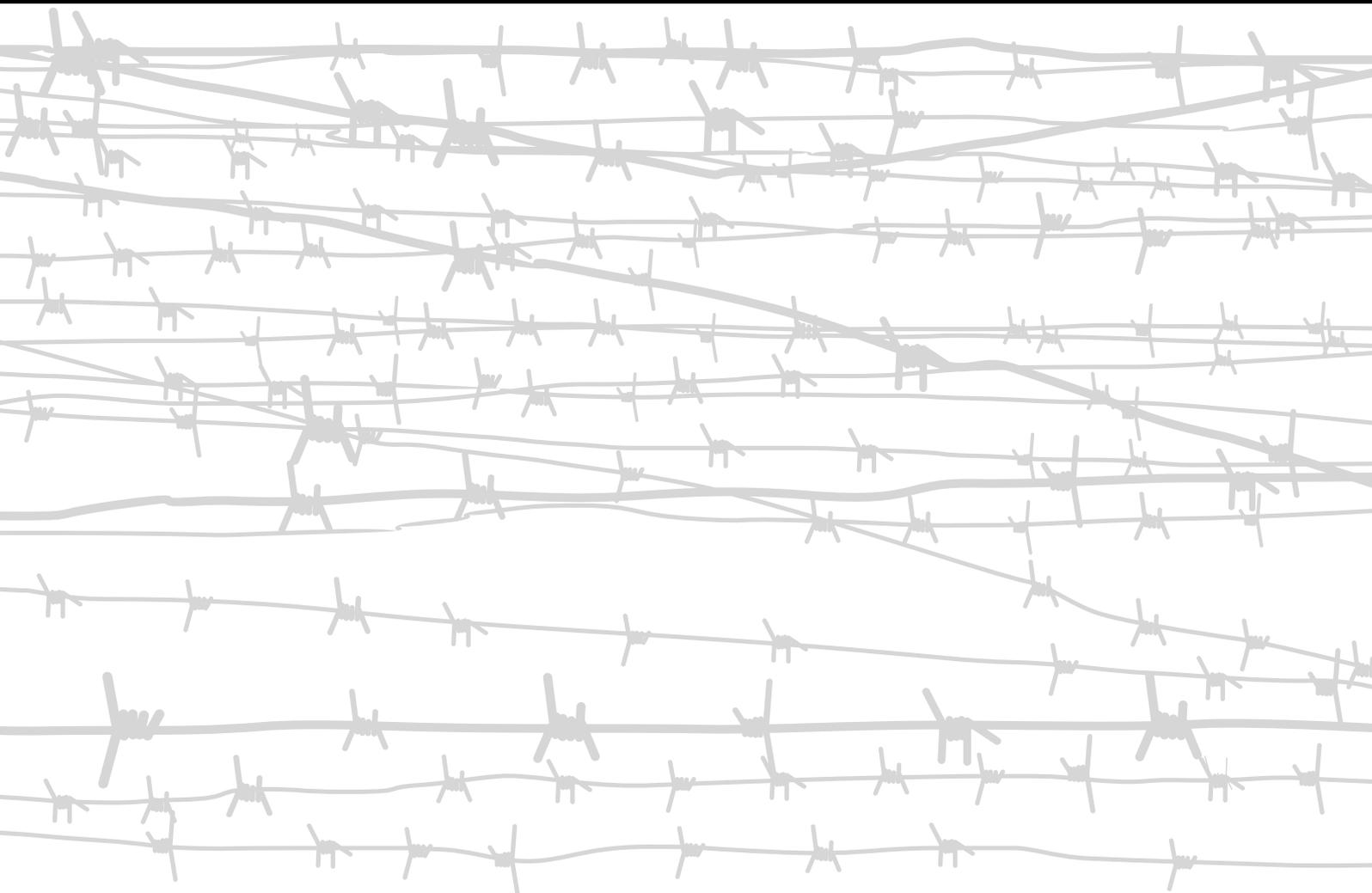

Применение статьи УК РФ о террористическом сообществе против политических активистов

Дарья Костромина

Программа поддержки политзаключённых. 2020

Внимание!

В докладе упоминаются запрещённые в России организации: «Синдикат Автономная боевая террористическая организация», «Сеть», «Хизб ут-Тахрир» (признаны судом террористическими); «Артподготовка» (признана экстремистской).

Обвинения в терроризме стали хитом сезона. В последние годы даже люди, лишь изредка отслеживающие информацию о политических преследованиях в России, слышали хотя бы о судебном процессе по делу «Сети» – по версии следствия и суда, боевой группы анархистов, тренировавшихся для совершения терактов и свержения власти, а по версии защиты, разрозненной компании страйкболистов-любителей, занимавшихся военизированным спортом ради удовольствия. Для тех же, кто наблюдает за репрессиями постоянно, эта история стала логичным продолжением тренда и, увы, далеко не последним звеном этой цепи.

От полностью или частично сфабрикованных обвинений в терроризме уже пострадали политические активисты, придерживающиеся совершенно разных идеологий: от ультраправых до ультралевых. Православные монархисты, адепты СССР, националисты разной степени радикальности, антифашисты, анархо-коммунисты, защитники территориальной целостности Украины. Такие обвинения применяются и к журналистам.

С одной стороны, сфальсифицированные террористические обвинения против активистов и журналистов – это верхушка айсберга, основание которого составляют мусульмане и мигранты из преимущественно исламских стран. С другой стороны, не будет алармизмом сказать, что «светская» часть обвинений в терроризме расширяется и эта проблема заслуживает самого пристального внимания.

В докладе мы рассматриваем преследования политических активистов по **ст. 205.4 УК РФ** («Создание террористического сообщества и участие в нём»), поскольку эту статью, наряду с другими, обычно вменяют участникам групповых дел. Активистов и журналистов преследуют не только по групповым делам. В некоторых случаях подготовку терактов вменяют одиночкам, как в случае с анархистом **Ильёй Романовым** или проукраински настроенным жителем Крыма **Олегом Приходько**. Дагестанскому журналисту **Абдулмумину Гаджиеву** вменяют финансирование терроризма, а псковской журналистке **Светлане Прокопьевой** – оправдание терроризма. Тем не менее, групповые дела являются наиболее масштабными, они в большей степени используются в государственной пропаганде и полнее иллюстрируют репрессивные методы. При этом мы будем изучать не только сами обвинения в причастности к террористическим сообществам, но и смежные обвинения, инкриминируемые фигурантам этих уголовных дел: в подготовке и совершении терактов, хранении оружия и боеприпасов и т.д.

Для анализа мы выбрали четыре наиболее известных истории преследования по **ст. 205.4 УК РФ** (дело **Олега Сенцова**, дело «Балтийского авангарда русского сопротивления» (БАРС), дела «Артподготовки», дело «Сети»), а также историю уголовного дела «Автономной боевой террористической организации» (АБТО), приговор по которому был вынесен до появления **ст. 205.4 УК РФ**, но которое по всем признакам похоже на последующие дела по этой статье.

Содержание

Статья 205.4 УК РФ в системе преследований за терроризм	5
Статья 205.4. Организация террористического сообщества и участие в нём	5
Террористическое сообщество vs террористическая организация	6
Некоторые особенности применения ст. 205.4 УК РФ	7
Дела о террористических группах 2010–2020 годов	8
Дело «Автономной боевой террористической организации» (АБТО): всех в одну группу	8
Развитие уголовного дела	9
Конструкция уголовного дела	10
Приговоры	11
Комментарии о деле	11
Дело Олега Сенцова: в рамках аннексии Крыма	12
Конструкция дела	12
Развитие уголовного дела	13
Комментарии о деле	14
Дело БАРС: между экстремизмом и терроризмом	14
Развитие уголовного дела	15
Суть обвинений до и после переквалификации	16
Комментарии о деле	19
Дела «Артподготовки»: несостоявшаяся революция	21
Террористическое сообщество внутри экстремистской организации	22
Дело Озерова, Дмитриева, Иванова	23
Дело Корного, Кепти, Толкачёва	25
Дело Сергея Рыжова	27
Общие комментарии о террористических делах «Артподготовки»	28
Дело «Сети»: военные игры	29
Конструкция дела	29
Развитие уголовного дела	34
Методы расследования	35
Пытки	35
Шантаж	37
Вероятные подбросы и фальсификации вещественных доказательств	37
Комментарии о деле	38
Новое страйкбольное дело	38
Общие черты в конструировании уголовных дел по ст. 205.4 УК РФ против политактивистов	40

Размытые границы между экстремизмом и терроризмом	40
Ужесточение квалификации малозначительных насильственных действий. . . .	41
Абстрактные представления о группе и лидерстве	43
Роль показаний обвиняемых и свидетелей.	44
Криминализация легальных действий	46
Дополнительно к наказанию	47
Как закон утяжеляет положение обвиняемых и осуждённых	
по ст. 205.4 УК РФ	47
Следствие, суд и назначение наказания	47
Тюремный режим	48
Выбор колонии	49
Смягчение наказания, облегчение условий наказания.	49
Административный надзор после отбытия срока	50
Список Росфинмониторинга.	50
Как обвинение в терроризме неформально ухудшает положение	
обвиняемых и осуждённых	51
Резюме	53

Статья 205.4 УК РФ в системе преследований за терроризм

Статья 205.4. Организация террористического сообщества и участие в нём

1. Создание террористического сообщества, то есть устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями **205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361** настоящего Кодекса, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а равно руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями – наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы.

2. Участие в террористическом сообществе – наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до трёх лет либо без такового.

В *Уголовном кодексе России* существует группа статей, карающих за террористические преступления. Большинство из этих статей «выросли» из **ст. 205 УК РФ**. Изначально в 1996 году (когда был принят российский *Уголовный кодекс*) преступление, обозначаемое этой статьёй, называлось «Терроризм», в дальнейшем при дифференциации террористических преступлений в УК РФ, статья трансформировалась в «Террористический акт».

В 2002 году появилась **ст. 205.1 УК РФ** (в настоящее время она называется «Содействие террористической деятельности»), в 2006 году – **ст. 205.2 УК РФ** («Публичные призывы к террористической деятельности или публичное оправдание терроризма»).

В 2013 году в **УК РФ** были введены сразу три новые статьи: **205.3** («Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности»), **205.4** («Организация террористического сообщества и участие в нём»), **205.5** («Организация деятельности террористической организации и участие в ней»). Последней на сегодняшний день 205-й статьёй стала **ст. 205.6 УК РФ** («Несообщение о преступлении»), появившаяся в 2016 году. Подробно историю развития антитеррористических уголовных статей мы отразили в [обзоре ПЦ «Мемориал»](#), выпущенном в 2018 году.

Мы оставляем за рамками доклада другие статьи, связанные с терроризмом, такие как **ст. 206 УК РФ** («Захват заложника»), **ст. 361 УК РФ** («Акт международного терроризма») и т.д., поскольку они далеки от рассматриваемой темы.

Террористическое сообщество vs террористическая организация

Как сказано выше, **ст. 205.4 УК РФ** появилась в 2013 году одновременно с ещё двумя уголовными антитеррористическими статьями. Примерно после этого начался резкий и быстрый рост количества приговоров по «205-м» статьям, причём не только за счёт применения новых статей, но и за счёт более активного использования уже существовавших **ст. 205.1** и **ст. 205.2 УК РФ**.

В связи с появлением новых статей караться стали не только конкретные действия (например, совершение терактов и подготовка к ним, финансирование терроризма, вовлечение в террористическую деятельность), но и принадлежность к террористической группе.

Статьи **205.4** и **205.5 УК РФ** стали отражением уже существующих антиэкстремистских статей **282.1** («Создание экстремистского сообщества и участие в нём») и **282.2** («Организация деятельности экстремистской организации и участие в ней») УК РФ. Разница между **ст. 205.4** и **205.5** в том, что террористической организацией считается группа, которая уже признана судом террористической, а сообществом – группа, относительно которой такого решения не было. Если человека обвиняют по **ст. 205.5 УК РФ**, достаточно доказать лишь его принадлежность к террористической организации, а если по **ст. 205.4 УК РФ** – необходимо доказывать факт существования сообщества и то, что оно сформировалось именно для совершения террористических преступлений.

Ст. 205.5 УК РФ открывает возможность «конвейерной штамповки» однотипных уголовных дел: ведь от правоохранительных органов требуется минимум усилий. Лучше всего это видно на примере репрессий против членов исламской организации «Хизб ут-Тахрир», которую в 2003 году *Верховный суд России* признал террористической (подробности о преследованиях членов «Хизб ут-Тахрир»

российскими властями можно прочесть в обзоре [ПЦ «Мемориал» на эту тему](#)). Часто вменение этой статьи не дополняется никакими другими обвинениями: принадлежность к организации рассматривается как самостоятельное преступление.

Для обвинения по **ст. 205.4 УК РФ**, напротив, необходимо если не провести, то хотя бы симитировать подробное расследование. Чаще всего эта статья сочетается с другими обвинениями: в совершении терактов или подготовке к ним, в хранении взрывных устройств и боеприпасов и т.д. В связи с этим **ст. 205.4 УК РФ** применяется куда менее массово, чем **ст. 205.5 УК РФ**. Так, по данным [судебного департамента Верховного суда РФ](#), в 2019 году были вынесены обвинительные приговоры по 131 преступлению, предусмотренному **ст. 205.5 УК РФ**, и только 29 по преступлениям, предусмотренным **ст. 205.4 УК РФ**.

При этом обе статьи отличаются чрезвычайной суровостью предусмотренных наказаний. Так, по обеим статьям для лидеров (создателя и руководителя сообщества или организатора ячейки) предусмотрено наказание от 15 лет до пожизненного лишения свободы.

Некоторые особенности применения ст. 205.4 УК РФ

Террористическим сообществом, по определению, данному в УК РФ, называется устойчивая группа лиц, объединившихся для террористической деятельности или совершения преступлений, предусмотренных как антитеррористическими уголовными статьями, так и некоторыми другими, например, **ст. 208 УК РФ** («Организация незаконного вооружённого формирования или участие в нём»), **ст. 278 УК РФ** («Насильственный захват власти»), **ст. 279 УК РФ** («Вооружённый мятеж»). Таким образом, террористическим может быть признано не только собственно террористическое, но и «революционное» сообщество.

Согласно [постановлению Пленума Верховного суда России от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»](#), преступление, предусмотренное **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ**, считается оконченным с момента объединения двух и более людей в террористическое сообщество, а преступление, предусмотренное **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ**, окончено с момента вхождения человека в состав уже созданного сообщества с намерением участвовать в преступлениях. То есть оконченным (тяжким и особо тяжким) преступлением фактически могут являться только цели и намерения, тогда как реальные преступные действия квалифицируются по другим статьям и вменяются дополнительно.

Дела о террористических группах 2010-2020 годов

Дело «Автономной боевой террористической организации» (АБТО): всех в одну группу

В 2013 году «Синдикат «Автономная боевая террористическая организация» (АБТО) была признана судом террористической и запрещена на территории России

Упомянутые в главе статьи *Уголовного кодекса РФ* (формулировка статьи даётся в контексте описываемых обвинений):

п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ – теракт, совершённый организованной группой;

ч. 2 ст. 167 УК РФ – повреждение или уничтожение чужого имущества путём поджога или взрыва;

ч. 2 ст. 213 УК РФ – хулиганство организованной группой;

п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ – совершение преступления по мотивам национальной ненависти.

В 2010 году силовики искусственно скомпоновали преступную группу из двух разных, хоть и частично знакомых между собой, компаний подростков, одна из которых совершила несколько поджогов на почве национальной ненависти, а другая закинула бутылки с зажигательной смесью в районный отдел *ФСБ*. Все эти поджоги были квалифицированы как теракты. В первую компанию входили **Богдан Голонков, Кирилл Красавчиков, Александр Бокарёв и Ярослав Рудный**, во вторую – **Иван Асташин, Максим Иванов, Григорий Лебедев, Александр Мархай и Ксения Поважная**. Лидером группы был объявлен **Асташин**.

На тот момент **ст. 205.4 в УК РФ** не было. В приговоре говорится не о террористическом сообществе, а об «организованной преступной группе», руководство которой **«Асташин взял на себя»**. При этом статья об организованном преступном сообществе никому не вменялась, использовался квалифицирующий признак – «*совершение организованной группой*» (**п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ**).

Развитие уголовного дела

Группа **Богдана Голонкова** и **Кирилла Красавчикова** зимой 2009–2010 года устроила семь поджогов на торговых точках, в кафе, в общежитии для наёмных рабочих и в отделах милиции. События происходили в Москве и Подмосковье. Жертв и пострадавших не было, однако, имущественный ущерб предприниматели совокупно оценили в целом в 13,2 млн. руб.

Участники группы **Ивана Асташина** совершили только один поджог: в ночь на 20 декабря 2009 года, в День работника органов безопасности, разбили окна в здании *отдела ФСБ по Юго-Западному округу Москвы* и забросили внутрь бутылки с зажигательной смесью. Жертв или пострадавших от пожара не было, общий ущерб составил порядка 24 тыс. руб. **Асташин** снимал происходящее на видео, а затем смонтировал и опубликовал ролик под названием «С днём чекиста, ублюдки!».

Голонкова, Красавчикова и **Бокарёва** арестовали в конце февраля – начале марта 2010 года. Изначально против них возбудили дело по статье об уничтожении и повреждении имущества (**ч. 2 ст. 167 УК РФ**), предполагающей до 5 лет тюрьмы. Вскоре задержали **Асташина** и **Поважную**. Районная милиция отработывала версию о причастности их к группе **Голонкова** и **Красавчикова**, но на тот момент не нашла подтверждений этой версии; **Асташина** и **Поважную** не взяли под стражу.

За год расследования обвинения утяжелили: сначала поджоги переквалифицировали в акты группового хулиганства (**ч. 2 ст. 213 УК РФ**, до 7 лет колонии), а затем в террористические акты, совершённые организованной группой (**п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ**). Дело передавали по цепочке вверх: от районного отдела милиции до *Следственного комитета России*.

28 декабря 2010 года **Асташин** и **Поважная** вновь были задержаны. После этого появилось признание **Асташина** в том, что он готовил подрыв тепловой электростанции на шоссе Энтузиастов в Москве. Позже он рассказывал, что этот эпизод – вымысел следствия, подтвердить который его заставили пытками: **Асташина** избивали, душили, оперативники сдавливали ему ногой гениталии, угрожали расправиться с **Поважной**.

Конструкция уголовного дела

Название «Синдикат «Автономная боевая террористическая организация» (АБТО), как утверждали фигуранты, придумал **Богдан Голонков**, и это было отсылкой к «Боевой террористической организации» нациста *Георгия Боровикова*. **Голонков** утверждал, что в реальности АБТО как организация не существовала. **Асташин, Иванов, Мархай, Лебедев, Поважная**, участвовавшие только в поджоге ФСБ, также стали, по версии следствия, членами АБТО.

По конечной версии следствия, все теракты АБТО были совершены с одной целью – ужесточить миграционную политику и изменить внутреннюю национальную политику в России в интересах русских. Если в эту логику вписывались атаки на мигрантов и даже на отделы милиции как на органы, утратившие, с точки зрения националистов, контроль за нелегальной иммиграцией, то ФСБ и ТЭЦ – объекты, вряд ли соответствующие тематике. Гораздо правдоподобнее версия **Асташина**, который объяснил акцию против ФСБ протестом против политических репрессий и «диктатуры чекистов».

Между поджогами торговых палаток и мигрантских общежитий и поджогом отдела ФСБ нельзя провести знак равенства и с точки зрения общественной опасности. Хотя и то, и другое, безусловно, является уголовно наказуемым деянием, их потенциал устрашения, если можно так выразиться, очень разный.

Мигранты и национальные меньшинства уязвимы по сравнению с большей частью населения страны, опасность насилия со стороны ультраправых для них серьёзна и реальна, а потеря бизнеса может быть критичной. Такие поджоги могут напугать людей, вынудить их покинуть Россию, отказаться от работы в этой стране. В этом случае дискуссия о квалификации преступлений уместна: можно понять аргументы в пользу того, чтобы назвать серию таких поджогов терроризмом, хотя и может быть достаточным использовать «обыкновенные» уголовные статьи (поджог или хулиганство) сотягчающим обстоятельством – совершение преступления по мотивам национальной ненависти (**п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ**).

В свою очередь, ФСБ – одна из ключевых силовых государственных организаций, владеющая мощнейшим аппаратом контроля и принуждения, не может быть напугана малозначительным поджогом, не повлёкшим за собой жертв, разрушения здания или иных заметных серьёзных последствий. Уровень защищённости ФСБ в десятки раз выше защищённости мигрантов. Вряд ли кому-то придёт в голову, что заброс ночью в окно трёх бутылок с зажигательной смесью, испортивший одно из помещений районного отдела может «воздействовать на принятие решений» ФСБ, вынудить её на уступки.

Асташину, помимо поджога *ФСБ* и попытки подрыва ТЭЦ, вменили все семь преступлений, которые совершали **Голонков** и **Красавчиков**, несмотря на то что **Асташин** лично не участвовал ни в одном из них. Утверждалось, что **Асташин** будто бы отдавал приказы другим поджигателям.

Ещё одно обвинение против **Асташина** не было квалифицировано как терроризм и не было приписано *АБТО*. Изготовив в качестве эксперимента взрывчатку, он, по его словам, решил испытать полученное вещество на дорогой застрахованной машине и взорвал чужой Lexus. За это ему вменили **ч. 2 ст. 167 УК РФ**, вину по данному эпизоду **Асташин** признал.

Дополнительно **Асташину** и **Поважной** вменяли изготовление и хранение взрывчатых веществ и взрывных устройств, кроме того, **Асташину** инкриминировали призывы к экстремизму и разжигание ненависти.

Приговоры

В апреле 2012 года тройка судей *Московского городского суда* под председательством *Павла Мелёхина* признала фигурантов виновными по всем обвинениям. Суд проигнорировал отказ **Ивана Асташина** от показаний по подготовке взрыва на ТЭЦ и его заявление о пытках. При этом учтены были показания его бывшего товарища **Игоря Зайцева**, который рассказал, что **Асташин**, живя у него дома, готовил взрыв. **Зайцев** стал единственным фигурантом, получившим по этому делу условный срок (за хранение взрывчатых веществ) .

Асташин получил 13 лет колонии строгого режима, после кассации наказание было снижено до 9 лет и 9 месяцев. Остальные фигуранты дела, участвовавшие только в одном поджоге отдела *ФСБ*, получили от 6 до 10 лет колонии (после апелляции сроки сократились и составили от 4 до 8 лет). Фигуранты, неоднократно поджигавшие торговые палатки и другие объекты, – от 6 до 12 лет, в дальнейшем некоторые наказания также были смягчены.

Комментарии о деле

Дело *АБТО* в какой-то мере явилось «предтечей» последующих частично и полностью сфабрикованных дел о террористических сообществах против политических активистов. Размытые границы между терактом и другими видами преступлений, небрежный подход к доказыванию мотива атаки (от чего и зависит, является ли атака терактом), обвинения в особо тяжких преступлениях, описание мнимых преступных связей на основании исключительно показаний зависимых от следствия людей.

Очевидна неравномерность и предвзятость наказаний: люди, совершившие один поджог, но против *ФСБ*, получили почти такие же сроки, как и люди, совершившие семь поджогов, а **Иван Асташин** – предположительно, идеолог атаки на *ФСБ* – похоже, столкнулся с масштабными фальсификациями уголовного дела, многократно преувеличившими его вину.

Дело Олега Сенцова: в рамках аннексии Крыма

Большой резонанс среди политических дел о терроризме приобрело дело **Олега Сенцова**. По нему были осуждены четыре жителя аннексированного Крыма, выступивших против аннексии полуострова Россией: **Олег Сенцов, Александр Кольченко, Геннадий Афанасьев и Алексей Чирний**. Ещё несколько человек были объявлены в розыск. В основу дела легли два поджога и подготовка к разрушению памятника Ленину с помощью самодельного взрывного устройства.

Конструкция дела

Оба поджога (объектами были офисы националистического движения «*Русское единство*» и политической партии «*Единая Россия*») были совершены ночью, когда здания были пусты, жертв и пострадавших не было и не должно было быть. Что касается разрушений, то в первом случае обгорела дверь, а во втором – подоконник на кухне. Никаких требований поджигатели не выдвинули. Тем не менее, поджоги были квалифицированы как теракты. Аналогичным образом подготовку к подрыву памятника, также запланированную ночью в отсутствие прохожих, следствие сочло приготовлением к теракту.

Следствие искусственно свело нескольких человек в единое террористическое сообщество, ответственное за все описанные выше деяния. Это сообщество, по версии следствия, было создано по указанию украинской националистической организации «*Правый сектор*». В реальности единственным человеком, который участвовал и в поджогах, и в подготовке взрыва был **Алексей Чирний**. То, что **Чирний** при подготовке бомбы отказался от сотрудничества с людьми, вместе с которыми поджигал здания (в частности с **Геннадием Афанасьевым** и **Александром Кольченко**), явственно следует из аудиозаписей его разговоров с информатором *ФСБ*. Следствие и суд проигнорировали это обстоятельство.

В тех же разговорах **Чирний** отрицает связь поджигателей с «*Правым сектором*». В целом, предположение, что действия осуждённых были инспирированы «*Правым сектором*», не подтверждается ничем.

Сенцов не участвовал ни в одной из акций, но был признан организатором и лидером сообщества и в связи с этим обвинён во всех деяниях, которые совершили его «подчинённые». Роль лидера обосновывалась только признательными показаниями **Чирния** и **Афанасьева**, заключивших досудебное соглашение со следствием.

Развитие уголовного дела

В ночь с 8 на 9 мая 2014 года был задержан **Алексей Чирний**. Согласно сообщениям *ФСБ* и оперативной съёмке, это произошло, когда он извлекал из тайника взрывное устройство (в реальности в тайник под контролем *ФСБ* был заложен муляж). 9 мая был задержан **Геннадий Афанасьев**. Более чем через год он рассказал, что был подвергнут жестоким пыткам током и противогазом. **Чирний** и **Афанасьев** заключили сделку со следствием и дали нужные следствию показания.

10 мая задержали **Олега Сенцова**. Он заявил, что его избивали и душили пакетом. По его словам, следователь на первом допросе предложил ему выбор: признать вину и дать показания на «руководителей Майдана» или же понести ответственность как лидер группы. **Сенцов** отказался давать признательные показания. 16 мая был задержан **Александр Кольченко**: он признался, что участвовал в поджоге офиса «Единой России».

Суды над **Чирнием** и **Афанасьевым** проходили отдельно, они получили по 7 лет строгого режима. Летом 2015 года состоялся суд над **Сенцовым** и **Кольченко**, в ходе которого **Афанасьев** отказался от своих первоначальных показаний, заявив, что они были даны под принуждением. Суд, тем не менее, учёл именно его первоначальные показания. Приговор вынесла тройка судей *Северо-Кавказского окружного военного суда* под председательством *Сергея Михайлюка*.

Кольченко, участвовавший только в одном поджоге, получил 10 лет строгого режима, а **Сенцов**, признанный лидером террористического сообщества, 20 лет. **Сенцова** отправили отбывать наказание в максимально жёсткие климатические условия: сначала в Якутию, затем в Ямало-Ненецкий автономный округ.

В 2016 году в рамках обмена заключёнными между Россией и Украиной был освобождён **Афанасьев**, а в 2019 году – **Сенцов** и **Кольченко**, фактически отбывшие чуть более пяти лет. **Чирний** остаётся в российской колонии.

Комментарии о деле

В деле **Олега Сенцова** максимально выражен политический мотив. Об этом свидетельствует многое: в фабулу обвинения необоснованно исключительно в пропагандистских целях был включён «*Правый сектор*»; само пропагандистское сопровождение акцентировало большую опасность от проукраинских террористов в Крыму; фигурантов дела против их воли называли гражданами России (подчёркивая, что жители Крыма автоматически переходят в российское гражданство); наконец, судьбы фигурантов в течение нескольких лет были предметом международного торга.

Тем не менее, несмотря на особый, мировой резонанс, дело конструировалось с применением обычных практик *ФСБ*, использовавшихся до и после этого дела: получение нужных показаний под пытками, огромная роль признательных показаний и пренебрежение фактами, зафиксированными в материалах дела, квалификация действий, которые можно было бы назвать вандализмом, поджогом или, в крайнем случае, хулиганством, как террористических актов.

Дело БАРС: между экстремизмом и терроризмом

Упомянутые в главе статьи *Уголовного кодекса РФ* (формулировка статьи даётся в контексте описываемых обвинений):

ч. 1 ст. 282.1 УК РФ – создание экстремистского сообщества;

ч. 2 ст. 282.1 УК РФ – участие в деятельности экстремистского сообщества;

ч. 1 ст. 222 УК РФ – незаконное хранение боеприпасов;

ч. 3 ст. 222 УК РФ – незаконное хранение боеприпасов организованной группой;

ч. 1 ст. 222.1 УК РФ – незаконное хранение взрывных устройств;

ч. 3 ст. 222.1 УК РФ – незаконное хранение взрывных устройств организованной группой;

ч. 1 ст. 280 УК РФ – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности;

ч. 1 ст. 205.2 УК РФ – публичные призывы к терроризму.

В мае 2017 года трое жителей Калининграда – **Александр Оршулевич**, **Александр Мамаев** и **Игорь Иванов** – были арестованы по делу об экстремистском сообществе *БАРС (Балтийский авангард русского сопротивления)*. Данная незарегистрированная организация существовала с 2008 года. Её участники были немногочисленными: «По словам **Оршулевича**, в *БАРС* никогда одновременно не состояло больше десяти человек, а в последнее время в организации остались только два постоянных члена – он сам и 21-летний **Игорь Иванов**», – пишет *«Медиазона»*. Для них характерны националистические и монархические взгляды, православный фундаментализм. Организация, в частности, добивалась декоммунизации России и возвращения к правовой системе начала XX века.

Развитие уголовного дела

Ещё в начале 2017 года прокуратура вынесла тогдашнему лидеру *БАРС* **Александру Оршулевичу** предупреждение о недопустимости экстремистской деятельности, и он покинул организацию, передав руководство **Игорю Иванову**. Тем не менее, 27 мая 2017 года ему вменили **ч. 1 ст. 282.1 УК РФ** («Создание экстремистского сообщества»).

Игорю Иванову и **Александру Мамаеву** вменили **ч. 2 ст. 282.1 УК РФ** («Участие в экстремистском сообществе»). При этом **Мамаев**, священник одной из «альтернативных» РПЦ православных церквей (*Русская православная церковь за границей, РПЦЗ*), вообще, по словам **Оршулевича**, не был членом *БАРС*.

В сентябре 2017 года был арестован житель Балтийска **Николай Сенцов**, его также обвинили в участии в *БАРС*. Как утверждает **Оршулевич**, **Сенцов** не только не состоял в *БАРС*, но и придерживался демократических взглядов, а также был лютеранином по вероисповеданию. Немногим, что **Сенцова** объединяло с *БАРС*, было требование вернуть Калининграду историческое название Кёнигсберг, а также совместное участие в демонстрациях общепозиционной направленности.

При обыске в жилище **Сенцова** были изъяты оружие и боеприпасы: 15 военных патронов калибра 7,62 мм, 2 военных патрона калибра 5,45 мм, 4 патрона калибра 9 мм к пистолету Макарова, 7 винтовочных патронов «Маузер» калибра 7,92 мм, ручная осколочная граната «Ф-1» и гранатомётный выстрел ВОГ-25. По словам **Сенцова**, граната, гранатомётный выстрел и часть патронов ему были подброшены при обыске.

В 2018 году обвинение по делу *БАРС* было изменено в сторону резкого ужесточения: следствие стало считать *БАРС* не экстремистским, а террористическим сообществом. Соответственно, **Оршулевичу** вменили **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ**, а остальным обвиняемым – **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ**. Фабула обвинения при этом осталась прежней.

В декабре 2019 года начался суд по данному делу. Процесс вела тройка судей *2-го Западного окружного военного суда* под председательством *Михаила Кудашкина*. После примерно четырёх месяцев судебного следствия 1 апреля 2020 года прокуратура выступила с ходатайством о смягчении обвинения, и суд это ходатайство поддержал. *БАРС* снова стал считаться экстремистским сообществом. Гособвинительница *Анна Ефремова* указала, в частности, что:

- *БАРС* был создан в 2008 году, а **ст. 205.4 УК РФ** появилась только в 2013 году и не может иметь обратной силы;
- из показаний свидетелей не следует, что *БАРС* создавался для террористической деятельности;
- за всё время существования организация не подготовила и не совершила ни одного преступления террористического характера (хотя **Оршуевича**, **Мамаева** и **Иванова** в итоге осудили в том числе по **ч. 1 ст. 205.2 УК РФ**, которая формально относится к преступлениям террористического характера, обвинение, по-видимому, не сочло это достаточным основанием, чтобы считать группу террористической);
- нет доказательств, что **Сенцов** планировал снабжать *БАРС* оружием и боеприпасами, а значит, его нельзя считать участником сообщества (согласно обвинению, единственная роль **Сенцова** в сообществе заключалась именно в снабжении оружием и боеприпасами).

9 апреля обвинение запросило наказания для обвиняемых: 10 лет общего режима **Оршуевичу**, по 7 лет общего режима **Мамаеву** и **Иванову** и 6 лет колонии-поселения **Сенцову**. 17 апреля был оглашён приговор: **Оршуевич** получил 8 лет, **Мамаев** и **Иванов** – по 6 лет общего режима, **Сенцов** был осуждён к 3 годам колонии-поселения и освобождён в зале суда.

Суть обвинений до и после переквалификации

Согласно обвинению, **Александр Оршуевич** создавал *БАРС* в начале 2008 года,

стойко придерживаясь идеологии фашизма и экстремистских взглядов, разделяя идею о необходимости антиконституционной смены действующей власти в Российской Федерации, преследуя цель дестабилизации политической обстановки в Калининградской области и, в конечном итоге, насильственного захвата власти в Калининградской области.

БАРС, как говорится в обвинении, должен был пропагандировать фашизм, провоцировать межнациональные конфликты на почве антисемитизма, заниматься «намеренной дестабилизацией политической обстановки в регионе» и в результате создать условия для захвата власти в Калининградской области и выхода её из состава России.

Структура сообщества, говорится в обвинении, была приближена «к структуре воинского формирования, ордена с иерархической структурой и подчинением на основе принципа единоначалия», идеологическая база основана «на идеях фашизма и восстановления Российского православного царства и Святой Руси».

Деятельность *БАРС* должна была заключаться в:

- поиске новых членов, оппозиционно настроенных к действующей власти России;
- проведении оппозиционных мероприятий «как в рамках действующего законодательства Российской Федерации, так и в нарушение установленного порядка их проведения» (т.е. согласованных и не согласованных с властями);
- информационном сопровождении в «Интернете», работе в социальных сетях, в том числе для пропаганды и реабилитации нацизма;
- проведении военизированных тренировок с оружием и его макетами для отработки штурма зданий;
- вандализму по мотивам национальной ненависти;
- распространении пропагандистских листовок;
- нанесении экстремистских и террористических лозунгов на стены.

Фабула обвинения строится на следующих предполагаемых действиях фигурантов:

1. В 2011 году некто нанёс свастику на мемориальную доску памяти геноцида евреев во время Хрустальной ночи 1939 года. Свидетели по делу утверждают, что свастику рисовали **Оршулевич** и **Вячеслав Попов** (**Попов** участвовал в *БАРС*, говорится в обвинении, с 2010 по 2013 годы и добровольно покинул организацию, поэтому не привлекается к ответственности).
2. В апреле 2011 года **Оршулевич** и **Попов** выкладывали во «ВКонтакте» изображения с антисемитскими лозунгами. В 2013 году **Оршулевич** был осуждён за это **по ч. 1 ст. 280 УК РФ** к штрафу в размере 40 000 рублей.

3. **Оршулевич, Мамаев и Иванов** распространили по Калининграду печатные листовки с призывами к убийству *Владимира Путина*, а также к насилию над евреями и представителями некоторых среднеазиатских народов (фигуранты утверждали, что листовки были подброшены в ходе обыска). В связи с этим им вменены дополнительные обвинения по **ч. 1 ст. 205.2** и **ч. 1 ст. 280 УК РФ**.
4. **Оршулевич, Мамаев и Иванов** подготовили трафареты для нанесения на стены лозунгов, призывающих к убийству *Путина*, насилию над евреями и нарушению территориальной целостности России (фигуранты утверждали, что трафареты были подброшены в ходе обыска).
5. **Сенцов** хранил дома оружие и боеприпасы (утверждал, что эти предметы были подброшены в ходе обыска).

Таблица 1. Обвинения до и после переквалификации

Фигурант	Обвинения на начало судебного процесса	Обвинения после смягчения
Александр Оршулевич , 31 год, оператор станка, приговорён к 8 годам общего режима с ограничением свободы на 1 год и лишением права администрировать интернет-сайты на 6 лет	ч. 1 ст. 205.4 УК РФ (от 15 лет до пожизненного лишения свободы) – в связи с основанием <i>БАРС</i> и дальнейшим руководством сообществом	ч. 1 ст. 282.1 УК РФ (до 10 лет лишения свободы) – в связи с основанием <i>БАРС</i> и дальнейшим руководством сообществом
	ч. 1 ст. 280 (до 4 лет лишения свободы) – в связи с распространением антисемитских листовок, ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (до 5 лет лишения свободы) – в связи с распространением листовок с призывами к убийству <i>Путина</i>	Обвинения сохранены
	ч. 3 ст. 222 (до 8 лет лишения свободы), ч. 3 ст. 222.1 УК РФ (до 12 лет лишения свободы) – в связи с групповым хранением в квартире Сенцова оружия и боеприпасов	Обвинения сняты

Фигурант	Обвинения на начало судебного процесса	Обвинения после смягчения
Александр Мамаев , 59 лет, священник РПЦЗ, приговорён к 6 годам общего режима с ограничением свободы на 6 месяцев и лишением права администрировать интернет-сайты на 4 года	ч. 2 ст. 205.4 УК РФ (до 10 лет лишения свободы) – в связи с участием в <i>БАРС</i>	ч. 2 ст. 282.1 (до 6 лет лишения свободы) – в связи с участием в <i>БАРС</i>
	ч. 1 ст. 280 (до 4 лет лишения свободы) – в связи с распространением антисемитских листовок, ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (до 5 лет лишения свободы) – в связи с распространением листовок с призывами к убийству <i>Путина</i>	Обвинения сохранены
Игорь Иванов , 23 года, специалист офиса ОАО «Вымпелком», приговорён к 6 годам общего режима с ограничением свободы на 6 месяцев и лишением права администрировать интернет-сайты на 4 года	ч. 3 ст. 222 (до 8 лет лишения свободы), ч. 3 ст. 222.1 УК РФ – (до 12 лет лишения свободы) в связи с групповым хранением в квартире <i>Сенцова</i> оружия и боеприпасов	Обвинения сняты
Николай Сенцов , 48 лет, начальник судовой радиостанции, приговорён к 3 годам колонии-поселения	ч. 2 ст. 205.4 УК РФ (до 10 лет лишения свободы) – в связи с участием в <i>БАРС</i>	Обвинение снято
	ч. 3 ст. 222 (до 8 лет лишения свободы), ч. 3 ст. 222.1 УК РФ (до 12 лет лишения свободы) – в связи с групповым хранением в квартире <i>Сенцова</i> оружия и боеприпасов	ч. 1 ст. 222 (до 4 лет лишения свободы), ч. 1 ст. 222.1 УК РФ (до 5 лет лишения свободы) – в связи с индивидуальным хранением оружия и боеприпасов

Комментарии о деле

Дело *БАРС* примечательно по нескольким причинам.

Во-первых, государство два раза меняло решение о том, считать это сообщество экстремистским или террористическим. Это наглядно показывает, что границы между этими понятиями в текущем российском правоприменении абсолютно размыты. Обвинение называло *БАРС* экстремистским, затем террористическим, затем снова экстремистским сообществом фактически за одно и то же: радикальное несогласие с текущим государственным устройством и националистический хейт-спич. По сути, единственным признаком, отличавшим террористический *БАРС* от экстремистского было утверждение о том, что сообщество хранит дома у *Николая Сенцова* оружие и боеприпасы, чтобы использовать их в дальнейшем для «захвата власти в Калининградской

области». Тем не менее, оружие может использоваться и для совершения преступлений экстремистской направленности, а «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации» входит в определение экстремистской деятельности (согласно ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»).

Во-вторых, это крайне редкий случай, когда представители государственной власти оказались готовы признать очевидную ошибку. Государственному обвинению достаточно было бы для переквалификации упомянуть очевидное юридическое нарушение: к событию 2008 года (созданию *БАРС*) применена статья, появившаяся в *УК РФ* лишь в 2013 году, что, очевидно, недопустимо, так как законы, ухудшающие положение обвиняемых, не имеют обратной силы (в главе «Статья 205.4 УК РФ в системе преследований за терроризм» мы уже указывали, что, согласно соответствующему *постановлению Пленума Верховного суда России*, преступление по **ст. 205.4 УК РФ** считается оконченным с момента создания сообщества или вхождения в него, а эти события, по обвинению, произошли до появления **ст. 205.4 УК РФ** в Уголовном кодексе) .. Тем не менее, прокурор *Анна Ефремова* буквально указала:

Не основан на собранных доказательствах... вывод органа предварительного расследования о том, что целью создания БАРС являлось совершение террористических преступлений, поскольку за всё время существования организации до 27.05.2017 её членами не подготовлено и не совершено ни одного преступления террористического характера.

Формулировки из постановления подошли бы и к другим делам о террористических сообществах.

Интересно, что призывы к терроризму (в данном деле – к убийству *Путина*) формально считаются террористической деятельностью, но прокуратура не сочла терроризмом распространение листовок.

Однако около полутора лет фигурантам дела вменялась причастность именно к террористическому сообществу несмотря на то, что все указанные выше аргументы были очевидны и на момент следствия, и на момент утверждения той же самой прокуратурой обвинительного заключения. Утяжеление обвинения позволило продлить срок следствия. В итоге от первых задержаний до начала суда прошло более двух с половиной лет, которые фигуранты провели под стражей в СИЗО – срок больше среднего даже по наиболее тяжким преступлениям.

Дела «Артподготовки»: несостоявшаяся революция

(В октябре 2017 года «Артподготовка» была признана Красноярским краевым судом экстремистской организацией)

Упомянутые в главе статьи *Уголовного кодекса РФ* (формулировка статьи даётся в контексте описываемых обвинений):

ч. 1 ст. 30 ч. 1 ст. 205 УК РФ – *приготовление к террористическому акту;*

ч. 1 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ – *приготовление к террористическому акту организованной группой;*

ч. 1 ст. 222.1 УК РФ – *незаконное хранение взрывчатых веществ.*

В 2016 году широкую известность в оппозиционных кругах приобрёл саратовский блогер и политик, тяготеющий к правому популизму, бывший депутат *Саратовской областной Думы Вячеслав Мальцев*. Это произошло в связи с его выдвижением на выборах в *Государственную Думу* от партии «ПАРНАС». Одновременно выросла популярность созданного ещё в 2011 году YouTube-канала «Артподготовка», который вёл *Мальцев*.

В своём видеоблоге *Мальцев* комментировал новости и постоянно заявлял, что 5 ноября 2017 года он и его сторонники устроят революцию в России и с этого времени начнётся «новая историческая эпоха». Выбранная дата, судя по всему, имела символическое и художественное значение. Она была, с одной стороны, приурочена к столетию событий 1917 года в России, а с другой стороны, напоминала о «пороховом заговоре» Гая Фокса.

Летом 2017 года *Мальцев* покинул Россию в связи с возбуждёнными против него уголовными делами о создании экстремистского сообщества и призывах к экстремизму. Впоследствии он получил политическое убежище во Франции. В эмиграции он продолжил призывать своих сторонников выйти в 5 ноября 2017 года на уличные протестные акции и сменить власть.

Выступления *Мальцева* вызвали различные реакции у зрителей: от смеха и раздражения до любопытства и энтузиазма. 5 ноября в центре Москвы собрались несколько сотен человек, в некоторых других городах России также состоялись протесты, но на них вышло значительно меньше людей. Никаких

массовых беспорядков, столкновений с полицией, захватов административных зданий в этот день не было. Тем не менее, в Москве по данным «ОВД-Инфо», были задержаны 339 человек, всего по России – 448.

Со стороны властей последовала репрессивная кампания, начавшаяся ещё до назначенной даты «революции». 26 октября 2017 года «Артподготовка» была признана судом экстремистской организацией.

«Целями и задачами межрегионального общественного движения «Артподготовка» является насильственное изменение основ конституционного строя в Российской Федерации, его участники пропагандируют идеи «революции», призывают людей «выйти на площади» для разгрома «администраций», готовят создание в своих рядах «боевого крыла» для организации массовых беспорядков», – говорится в апелляционном определении Верховного суда РФ.

Были возбуждены уголовные дела отношении более 20 предполагаемых участников «революции» в различных городах.

Террористическое сообщество внутри экстремистской организации

Если часть уголовных преследований в отношении сторонников «Артподготовки» велась по обвинениям в приготовлении к массовым беспорядкам, в призывах к экстремизму, то в других случаях государство использовало контртеррористические статьи.

В частности, самого **Вячеслава Мальцева** заочно обвиняют в создании террористического сообщества (**ч. 1 ст. 205.4 УК РФ**). Судя по имеющимся материалам уголовных дел, террористическое сообщество функционировало как бы внутри большой экстремистской организации «Артподготовка». Террористическое сообщество, утверждает обвинение, должно было совершать теракты, чтобы дестабилизировать политическую обстановку в стране и заставить органы власти сложить полномочия.

По делу также проходит бывшая соратница **Мальцева Надежда Петрова**. Она скрылась от следствия и покинула Россию. В августе 2018 года она была арестована заочно. **Петрову** обвиняют по **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ** и **п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ**. Она фигурирует сразу в двух московских уголовных делах о терроризме: в деле **Андрея Толкачёва, Юрия Корного** и **Андрея Кепти** и в деле **Сергея Озерова, Олега Дмитриева** и **Олега Иванова**. В первом случае следствие считает её активной участницей террористического сообщества, предлагавшей, в частности, имитировать теракты для отвлечения сотрудников

правоохранительных органов от «революции 5 ноября». Во втором случае декларировалось, что **Петрова** руководила сообществом, состоявшим из **Озерова, Иванова** и **Дмитриева**.

Далее рассмотрим подробно три дела о подготовке терактов сторонниками «Артподготовки».

Дело Озерова, Дмитриева, Иванова

В середине октября 2017 года **Сергей Озеров** и **Олег Дмитриев** приехали в Москву. По всей видимости, они планировали принять участие в «революции 5.11.17». Также, по их словам, они рассчитывали найти работу. Их познакомила **Надежда Петрова**, после чего они вместе сняли комнату в в Новой Москве. Позже **Петрова** попросила их подселить к себе мужчину, который представился как **Вадим Майоров**. В конце октября к **Дмитриеву** присоединился его знакомый из Альметьевска **Олег Иванов**.

Вечером 1 ноября 2017 года в квартире прошёл обыск. Оперативники обнаружили на балконе 13 стеклянных бутылок с бензином и две бутылки с растворителем. **Озеров, Дмитриев, Иванов** и **Майоров** были задержаны, однако, по дороге в отдел полиции **Майоров** исчез, сбежав от конвоя при загадочных обстоятельствах.

В дальнейшем **Озеров, Иванов** и **Дмитриев** утверждали, что **Майоров** – провокатор, внедрённый ФСБ в их компанию.

... [Майоров] интересовался определённой моделью стартового пистолета Макарова, [как] его можно переделать. Также говорил, что 5 ноября самый идеальный момент, чтобы создать шумиху и пощипать пару богатеев, а адреса у него есть,

- писал Олег Дмитриев в открытом письме.

Сам Майоров отрицает обвинения в сотрудничестве с **ФСБ**, заявив, что он действительно смог бежать от оперативников, скрывался и уехал по чужим документам из России во Францию.

На следующий день после задержания **Озерова, Иванова** и **Дмитриева** арестовали на 15 суток по обвинению в неповиновении сотруднику полиции (**ч. 1 ст. 19.3 КоАП**). После окончания административного ареста им предъявили обвинение по **ч. 1 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 205** и **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ**. Все трое были взяты под стражу. В ноябре 2018 года тройка судей **Московского окружного военного суда** под председательством **Евгения Зубова** начала рассматривать дело.

Согласно представленному в суд обвинению, **Озеров, Дмитриев** и **Иванов** были членами террористического сообщества, возглавляемого **Петровой**. При этом их дело было выделено в отдельное производство из основного уголовного дела о террористическом сообществе в «**Артподготовке**», по которому обвиняются **Мальцев** и **Петрова**. Обвинение утверждает, что **Озеров, Дмитриев** и **Иванов** готовили на 5 ноября 2017 года террористический акт, однако, конкретный объект нападения определён не был, говорилось лишь, что теракт будет реализован

путём поджога в отношении органов государственной власти Российской Федерации и объектов критической инфраструктуры Российской Федерации, а также сотрудников правоохранительных органов, находящихся при исполнении обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Перед прениями прокурор **Эльвира Зотчик** отказалась от обвинения по **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ**, отметив, что обвиняемые общались между собой непродолжительное время и не успели сложить устойчивое террористическое сообщество. В январе 2019 года был вынесен приговор (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Дело Озерова, Дмитриева и Иванова

Фигурант	Обвинение	Приговор
Сергей Озеров , 47 лет, рабочий из Арзамаса (Нижегородская область)	Осуждены по ч. 1 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ	8 лет строгого режима и 1 год ограничения свободы
Олег Дмитриев , 40 лет, рабочий из Альметьевска (Татарстан)	При обыске у них нашли на балконе бутылки с зажигательной смесью. Следствие считает, что они готовили теракт.	8 лет строгого режима и 1 год ограничения свободы
Олег Иванов , 42 года, электрик из Альметьевска (Татарстан)	Обвинение по ч. 2 ст. 205.4 УК РФ снято. Вину не признавали.	7 лет строгого режима и 1 год ограничения свободы

Само обнаружение бутылок с бензином и растворителем на балконе у обвиняемых имеет признаки фальсификации. По словам **Дмитриева**, после задержания оперативники прикладывали к его пальцам и пальцам других обвиняемых некие холодные предметы. Как можно предположить, это были стеклянные бутылки, на которых в дальнейшем обнаружили несколько отпечатков пальцев.

При этом на 11 из 13 бутылках с бензином и 1 из 2 бутылок с растворителем отпечатков пальцев вообще нет. Неправдоподобно выглядит версия, что обвиняемые разлили бензин по бутылкам почти за неделю до «революции», подвергая себя опасности (в квартире все курили), кроме того, не стали смешивать бензин с машинным маслом для изготовления более эффективных зажигательных смесей. Свидетели, утверждавшие, что видели, как **Озеров** покупал канистру для бензина, а затем и сам бензин, путались в показаниях. Никакой критики не выдерживают показания секретного свидетеля, заявившего, что он узнал о преступных планах обвиняемых из разговора с ними, но отказавшегося пояснить, когда и где происходил разговор, чтобы не рассекретить свою личность.

Однако даже если бы подготовка к забрасыванию полицейских и административных зданий «коктейлями Молотова» была бы реальной, это не означало бы, что её следует квалифицировать как теракт. В таком случае обвиняемым куда логичнее было бы вменить подготовку к участию в массовых беспорядках, максимальная санкция в этом случае составляла бы 4 года лишения свободы.

Дело Корного, Кепти, Толкачёва

В ночь с 11 на 12 октября 2017 года на Манежной площади были задержаны пятеро мужчин, среди которых были **Юрий Корный** и **Андрей Кептя**. По сообщению полиции, у этой группы были бутылки с бензином. **Корный** и **Кептя** получили по 15 суток административного ареста по обвинению в мелком хулиганстве. 23 октября следственная служба УФСБ России по Москве и Московской области возбудила уголовное дело о приготовлении к террористическому акту в их отношении, а 26 октября 2017 года они были взяты под стражу по уголовному делу.

Следствие считает, что **Корный** и **Кептя** планировали поджог сена и декораций, оставшихся на Манежной площади после фестиваля «Золотая осень». Именно эти несостоявшиеся действия квалифицированы ФСБ как теракт. В уголовном деле говорится, что **Корный** планировал показать видео поджога на своём YouTube-канале «Русский бунт» и воздействовать на органы власти, чтобы они досрочно сложили полномочия.

9 ноября 2017 года после того, как в отношении **Мальцева** и **Петровой** было возбуждено дело о террористическом сообществе, был задержан **Андрей Толкачёв**. Силовики уже ранее в октябре проводили у него обыск и изъяли флэш-накопители с аудиозаписями разговоров. Как считает следствие, на этих записях **Толкачёв** предлагает разрушать опоры линий электропередач для энергетической блокады Москвы. **Толкачёв** утверждает, что никогда не делал таких записей и не хранил эти флэш-накопители (возможно, записи были сделаны одним из участников разговора, а затем подброшены **Толкачёву** оперативниками). Следствие указывает, что скрывшиеся впоследствии участники

террористического сообщества «Артподготовки» *Александр Свищёв* и *Денис Туканов* всерьёз готовились к реализации плана по разрушению опор: закупали инструменты, готовили бутылки с бензином, изучали объекты посягательства. ФСБ расценила это как приготовление к теракту.

Толкачёву вменили также и подготовку к поджогу на Манежной площади: по версии следствия, он привёз **Корному** бензин.

В ноябре 2019 года тройка судей 2-го Западного окружного военного суда под председательством *Виталия Бакина* начала рассматривать дело по существу. 3 июня 2020 года обвинение потребовало приговорить фигурантов к срокам лишения свободы от 8 до 15 лет, 18 июня был вынесен приговор (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Дело Корного, Кепти и Толкачёва.

Фигурант	Обвинения	Позиция
Юрий Корный , 50 лет, блогер, приехал в Москву из Магадана, приговорён к 10 годам строгoго режима с ограничением свободы на 1 год	Был участником созданного Мальцевым террористического сообщества (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ). Готовился поджечь сено и декорации на Манежной площади (ч. 1 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ).	Не признаёт вину. Отрицает, что готовил поджог. Утверждает, что был слабо связан с Мальцевым , а с Петровой имел натянутые отношения и, соответственно, не входил ни в какое террористическое сообщество.
Андрей Кептя , 44 года, рабочий по ремонту зданий, приговорён к 6 годам строгoго режима с ограничением свободы на 1 год	Был участником созданного Мальцевым террористического сообщества (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ). Готовился поджечь сено и декорации на Манежной площади (ч. 1 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ).	Полностью признал вину. Давал показания в суде в закрытом режиме.

Фигурант	Обвинения	Позиция
Андрей Толкачёв , 42 года, предприниматель в сфере недвижимости, приговорён к 13 годам строгого режима с ограничением свободы на 1,5 года	<p>Был участником созданного Мальцевым террористического сообщества (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ).</p> <p>Привёз бензин Корному, который собирался поджечь сено и декорации на Манежной площади (ч. 1 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ).</p> <p>Планировал разрушать опоры линий электропередач (ч. 1 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ).</p>	<p>Не признаёт вину.</p> <p>Отрицает, что подвозил бензин Корному, допускает, что привозил самогон. Не помнит разговоров, записанных на флэш-накопителях.</p>

Доказательства планов по разрушению ЛЭП пока представляются неоднозначными: во-первых, ключевое доказательство – записи разговоров – возможно, получено незаконным путём, во-вторых, обнаружение инструментов преступления легко сфальсифицировать, так как найдены они были, по версии следствия, в машине **Свищёва**, когда сам **Свищёв** уже скрылся. В свою очередь, **Толкачёв** скрываться не пытался, хотя от первого обыска у него до задержания прошло две недели.

Если предполагаемое разрушение ЛЭП можно считать серьёзным преступлением против общественной безопасности, и здесь уместны споры о том, квалифицировать ли его как террористический акт, то ночной поджог сена и декораций на Манежной площади называть терактом нелепо. Вряд ли кто-то считает возможным добиться таким путём досрочного сложения полномочий органов власти. Речь может идти об уничтожении имущества путём поджога, о вандализме или, максимум, о групповом хулиганстве. Тем не менее, без обвинения **Корного** и **Кепти** в подготовке теракта была бы невозможна версия об их причастности к террористическому сообществу.

Дело Сергея Рыжова

Дело саратовского блогера **Сергея Рыжова** также входит в систему преследований сторонников «Артподготовки» за терроризм, хотя Рыжову не вменяют причастности к террористическому сообществу. Он обвиняется по **ч. 1 ст. 30 ч. 1 ст. 205** и **ч. 1 ст. 222.1 УК РФ**. Утверждается, что он готовил теракт единолично. Конкретно, утверждается в материалах дела, он

принял решение... о совершении взрыва, поджога и захвата, в том числе с использованием подрывной тротиловой шашки и самодельных зажигательных устройств по типу «коктейлей Молотова», административных зданий, занимаемых органами власти и иными организациями г. Саратова, осуществлении

серии звонков с ложными сообщениями о минировании жизненно важных объектов в г. Саратове и Саратовской области, а также действий по обрыву связи и перекрытию основных трасс и выездов из г. Саратова.

При обыске у **Рыжова** нашли подрывную тротилловую шашку и семь бутылок с легковоспламеняющейся жидкостью. Утверждается, что с помощью этих предметов он должен был реализовать свои преступные планы. Сам **Рыжов** заявляет, что тротилловая шашка и бутылки были ему подброшены.

Масштабный замысел, описанный следствием, и имеющиеся у **Рыжова** в наличии ресурсы выглядят не соответствующими друг другу. В обвинительном заключении приводится большое количество цитат из прослушек разговоров **Рыжова** с его соратниками, из которых следует, что конкретного плана действий у него не было. Он обсуждал самые разные варианты развития событий 5 ноября: от «тихо сядем [в тюрьму] и всё» до быстрой однодневной смены власти. В его высказываниях присутствует много разнообразных мало реалистичных и лишённых конкретики планов, говорится как о возможных насильственных («обрубить связь, перекрыть дороги там, какой-то хаос внести, что-то там поджечь, что-то взорвать там»), так и о ненасильственных действиях (отвлекать внимание полиции анонсами демонстраций). В целом, из разговоров **Рыжова** очевидно, что он намеревался действовать по ситуации в зависимости от того, как будут развиваться события в Москве.

Общие комментарии о террористических делах «Артподготовки»

В представлении правоохранительных органов, все члены «Артподготовки» экстремисты, но некоторые из них ещё и террористы.

... Мальцев В. В., осознавая неизбежность силового способа смены власти, понимая, что не все сторонники движения «Артподготовка» готовы к осуществлению насильственных противоправных действий, способных обеспечить давление на власть и её захват, в период с октября 2016 года по май 2017 года (более точное время следствием не установлено) принял решение о создании из числа своих сторонников террористического сообщества...

– говорится в обвинительном заключении по делу **Толкачёва, Корного и Кепти**.

Как можно понять, по логике следствия, быть участником экстремистской организации недостаточно, чтобы совершать «насильственные противоправные действия», что сводит понятие экстремизма не то исключительно к высказываниям и призывам, не то и вовсе к ненасильственной законной деятельности.

Лейтмотивом многих обвинений по делам сторонников *«Артподготовки»* является идея о том, что движение стремилось действовать по образцу украинского Майдана 2013–2014 годов, то есть добиваться смены власти путём организации многочисленных протестных акций, частично переходящих в столкновения с силовиками. Как уже было сказано, в некоторых делах это квалифицируется как массовые беспорядки, а в других – то же самое считается терроризмом, что говорит о волюнтаристском подходе силовиков.

Дело «Сети»: военные игры

(В январе 2019 года «Сеть» была признана террористической организацией частным определением Московского окружного военного суда)

Упомянутые в главе статьи *Уголовного кодекса РФ* (формулировка статьи даётся в контексте описываемых обвинений):

ч. 1 ст. 222 УК РФ – незаконное хранение оружия и боеприпасов;

ч. 1 ст. 222.1 УК РФ – незаконное хранение взрывных устройств и взрывчатых веществ;

ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ – покушение на уничтожение или повреждение чужого имущества путём поджога;

ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ – покушение на незаконный сбыт наркотических веществ в крупном размере.

Дело *«Сети»*, следствие по которому началось осенью 2017 года, а приговор вынесен зимой 2020 года, стало, пожалуй, самым резонансным российским делом о терроризме в последние годы. Сочетание жестоких пыток, о которых заявляли фигуранты, абсурдных обвинений, суровых приговоров сделало это преследование медийным.

Конструкция дела

«Сеть» – это, по версии следствия, межрегиональное террористическое сообщество, объединяющее боевые группы анархистов. Его цель – насильственное изменение конституционного строя в России. Свергать власть, считает следствие, *«Сеть»* планировала террористическими методами:

путём нападения на сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, здания полиции, склады с вооружением, военные комиссариаты, офисы партии «Единая Россия», государственные учреждения с целью дестабилизации деятельности органов государственной власти РФ, воздействия на принятие ими решений.

Ещё до создания «Сети», не позднее мая 2015 года **Дмитрий Пчелинцев** и не установленное лицо под псевдонимом «Тимофей», по версии обвинения, создали в Пензе боевую группу «5.11». В группу вошли **Андрей Чернов, Илья Шакурский** и **Арман Сагынбаев**. Летом 2016 года к ним присоединились **Максим Иванкин** и **Михаил Кульков**.

В период с 1 января по 31 августа 2016 года **Шакурский**, по предложению **Пчелинцева**, создал и возглавил структурное подразделение «5.11» – подгруппу «Восход». В «Восход» вошли **Василий Куксов** и **Егор Зорин**.

Саму «Сеть», утверждает обвинение, **Пчелинцев** создал не позднее июля 2016 года, куда в качестве структурного подразделения включил группу «5.11». К «Сети» также присоединились московские и петербургские анархисты в составе групп «Мск», «Марсово поле», «Иордан Спб». Если московские участники «Сети» не установлены следствием, то в Санкт-Петербурге членами сообщества были, среди прочих, **Виктор Филинков, Юлий Бояршинов, Игорь Шишкин** и **Александра Аксёнова** (последняя получила политическое убежище в Финляндии).

В сообществе было чёткое разделение функциональных ролей:

- Руководитель – общая координация, разработка документов, определение мест проведения тренировок, привлечение в сообщество новых членов;
- Тактик – снабжение специальным снаряжением, оружием и боеприпасами; обучение членов террористического сообщества навыкам ведения боевых действий;
- Разведчик – исследование местности и объектов предполагаемых нападений, обучение выживания, топографии;
- Сапёр – снабжение самодельными взрывными устройствами, компонентами для их изготовления, средствами инициирования, боеприпасами, зажигательными смесями;
- Связист – снабжение средствами связи, связь между боевыми группами, соблюдение конспирации;
- Медик – оказание первой помощи, эвакуация, обучение навыкам первой помощи.

Руководителем «Сети» и группы «5.11» был **Пчелинцев**, подгруппой «Восход» руководил **Шакурский**. Связистами были **Чернов, Куксов, Филинков, Аксёнова**;

сапёрами – **Сагынбаев** и **Бояршинов**, медиками – **Кульков** и **Шишкин**, разведчиком – **Иванкин**, тактиком – **Зорин**.

Участники «Сети» проводили тренировки: учились ведению боевых действий, обращению с оружием и зажигательными смесями, выживанию в дикой природе. Как правило, для таких тренировок они выезжали в лес и на территории заброшенных зданий. Они применяли пневматические страйкбольные приводы, гладкоствольные охотничьи карабины, различные муляжи и макеты.

Участники «Сети» соблюдали конспирацию: называли друг друга вымышленными именами, использовали мессенджер Jabber с высокой степенью шифрования данных.

Согласно обвинению, в сообществе были разработаны «основополагающие документы», а именно так называемый *свод «Сети»*, он же «*Положение.docx*». В нём, как говорится в материалах дела, описаны подразделения «Сети», их функции и состав, основные принципы безопасности, правила вербовки, направления боевой подготовки, перспективы развития «Сети» и «*последовательно развивается тема подготовки к ведению насильственных действий*». В феврале 2017 года, как считает следствие, «Сеть» провела съезд в Санкт-Петербурге, на котором поднимались «*вопросы о формах, методах и направлениях свержения власти*».

Таблица 4. Дело «Сети»

Фигурант	Обвинения	Позиция	Приговор
Пенза			
Дмитрий Пчелинцев, 27 лет, инструктор по стрельбе	Совместно с неустановленным лицом создал сначала боевую группу «5.11», а затем межрегиональное террористическое сообщество «Сеть», руководил сообществом (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ).	Не признаёт вину.	18 лет строгого режима и 1,5 года ограничения свободы
	Незаконно приобрёл и хранил в машине две ручные гранаты Ф-1 с двумя запалами УЗРГМ (ч. 1 ст. 222 УК РФ).		
	В феврале 2011 года попытался поджечь здание Октябрьского военкомата Пензы «коктейлем Молотова» (ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ). Обвинение снято.		

Фигурант	Обвинения	Позиция	Приговор
Илья Шакурский , 23 года, студент	Создал и возглавил подгруппу «Восход» – структурное подразделение группы «5.11» (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ) .	Не признаёт вину.	16 лет строгого режима, 1,5 года ограничения свободы и штраф 50 тыс. руб.
	Незаконно приобрёл и хранил дома пистолет Макарова калибра 9 мм и 8 патронов 9-мм (ч. 1 ст. 222 УК РФ) .		
	Незаконно приобрёл и хранил дома самодельное взрывное устройство электрического типа осколочно-фугасного действия (ч. 1 ст. 222.1 УК РФ) .		
Арман Сагынбаев , 27 лет, Предприниматель	Участвовал в деятельности «Сети» в качестве сапёра (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) .	Не признаёт вину.	6 лет общего режима
Василий Куксов , 31 год, инженер-конструктор	Участвовал в деятельности «Сети» в качестве связиста (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) .	Не признаёт вину.	9 лет общего режима
	Незаконно приобрёл и хранил в машине пистолет Макарова калибра 9 мм и 5 патронов 9-мм (ч. 1 ст. 222 УК РФ) .		
Андрей Чернов , 30 лет, слесарь	Участвовал в деятельности «Сети» в качестве связиста (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) .	Не признаёт вину.	14 лет строгого режима
	Сделал с целью распространения пять «закладок» наркотического средства пирролидиновалерофенона (PVP) общей массой 6,69 г (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) .		

Фигурант	Обвинения	Позиция	Приговор
Михаил Кульков , 25 лет, Повар	Участвовал в деятельности «Сети» в качестве медика (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) . Сделал с целью распространения не менее двадцати «закладок» наркотического средства пирролидиновалерофенона (PVP) общей массой 8,788 г и планировал распределить по «закладкам» ещё 8,608 г этого вещества (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) .	Признаёт вину только в распространении наркотиков, не признаёт участие в террористическом сообществе.	10 лет строгого режима
Максим Иванкин , 24 года, Повар	Участвовал в деятельности «Сети» в качестве разведчика (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) . Сделал с целью распространения не менее двадцати «закладок» наркотического средства пирролидиновалерофенона (PVP) общей массой 8,788 г и планировал распределить по «закладкам» ещё 8,608 г этого вещества (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) .	Признаёт вину только в распространении наркотиков, не признаёт участие в террористическом сообществе.	13 лет строгого режима
Санкт-Петербург			
Виктор Филинков , 25 лет, программист	Участвовал в деятельности «Сети» в качестве связиста (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) .	Не признаёт вину.	7 лет общего режима
Юлий Бояршинов , 28 лет, промышленный альпинист	Участвовал в деятельности «Сети» в качестве сапёра (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) . Незаконно хранил 408,9 г дымного пороха (ч. 1 ст. 222.1 УК РФ) .	Полностью признаёт вину.	5 лет и 6 месяцев общего режима
Игорь Шишкин , 28 лет, предприниматель	Участвовал в деятельности «Сети» в качестве медика (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) .	Полностью признал вину, заключил досудебное соглашение о сотрудничестве со следствием.	3 года 6 месяцев общего режима

Развитие уголовного дела

17 октября 2017 года в Пензе был задержан студент *Пензенского государственного университета Егор Зорин* в состоянии наркотического опьянения. Его обвинили в хранении наркотиков. Кроме того, он принёс явку с повинной о том, что входил в анархистское террористическое сообщество.

18 октября был задержан *Илья Шакурский*, одноклассник *Зорина*. Оперативники обнаружили у него дома самодельное взрывное устройство, пистолет Макарова и восемь патронов к нему. В тот же день задержали *Василия Куксова*. В его машине был обнаружен пистолет Макарова и пять патронов к нему. И *Шакурский*, и *Куксов* заявляют, что найденные предметы им подброшены.

27 октября оперативники задержали *Дмитрия Пчелинцева*. В его машине были обнаружены две гранаты. Он также заявил о подбросе.

5 ноября в Петербурге задержали *Армана Сагынбаева*, его доставили в Пензу на следственные действия. 9 ноября в Пензе был задержан *Андрей Чернов*.

В январе 2018 года задержали петербургских фигурантов дела: 23 января *Виктора Филинкова*, 25 января *Игоря Шишкина*.

Юлия Бояршинова изначально арестовали за незаконное хранение взрывчатых веществ: 21 января сотрудники полиции, остановив его на улице, обнаружили при нём 400 граммов дымного пороха. По его словам, в дальнейшем с ним встречались сотрудники ФСБ, которые требовали дать показания на фигурантов из Пензы. 11 апреля 2018 года *Бояршинову* также предъявили обвинение по делу «Сети».

4 июля 2018 года в Москве задержали пензенцев *Михаила Кулькова* и *Максима Иванкина*. Оба ранее в 2017 году были обвинены в распространении наркотиков, но скрылись от следствия. После нового задержания им добавили обвинение в участии в террористическом сообществе «Сеть».

Егора Зорина отпустили под подписку о невыезде после двух месяцев в СИЗО. В сентябре 2018 года дело об участии в террористическом сообществе против него прекратили. Он остался свидетелем обвинения. За хранение наркотиков его приговорили к трём годам условно.

Игорь Шишкин заключил досудебное соглашение о сотрудничестве со следствием. В январе 2019 года тройка судей *Московского окружного военного суда* под председательством *Вадима Краснова* приговорила его по **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ** к 3 годам 6 месяца колонии общего режима, что ниже нижнего предела наказания по данной статье.

Слушания по делу **Виктора Филинкова** и **Юлия Бояршинова** начались в апреле 2019 года в Петербурге и закончились обвинительным приговором 22 июня 2020 года. Процесс вела тройка 2-го Западного окружного военного суда под председательством **Романа Муранова**.

Суд над пензенскими фигурантами дела шёл с мая 2019 года по февраль 2020 года. Приговор вынесла тройка судей Приволжского окружного военного суда под председательством **Юрия Клубкова**.

Методы расследования

Пытки

Четыре фигуранта дела «Сети» – **Виктор Филинков**, **Дмитрий Пчелинцев**, **Илья Шакурский** и **Арман Сагынбаев** – заявили, что к ним применялись пытки током. Несмотря на то, что **Игорь Шишкин** публично не подтверждает, что его пытали, есть все основания полагать, что пытки применялись и к нему.

Медийный скандал начался после задержаний **Филинкова** и **Шишкина** в Санкт-Петербурге. Информация о недозволенных методах воздействия на них стала публичной в основном благодаря посещениям членов *общественной наблюдательной комиссии (ОНК) Санкт-Петербурга*. Подробные обстоятельства посещения **Филинкова** и **Шишкина** в первые дни после их задержаний отражены в заключении рабочей группы ОНК. Члены *ОНК Яна Теплицкая* и *Екатерина Косаревская* сообщили, что видели многочисленные следы ожогов на правом бедре и на груди **Филинкова**, гематому на правой щиколотке. Кроме того, при поступлении **Филинкова** в *СИЗО-3 Санкт-Петербурга* 25 января в журнале учёта врачебного приёма больных заключённых сотрудниками учреждения была сделана запись о повреждении кожных покровов в области правого бедра и области груди.

27 января 2018 года при посещении **Шишкина** *Теплицкая* и *Косаревская* заметили синяки, ссадины и кровоподтёки на лице, а также ожог посередине кисти левой руки на тыльной стороне ладони. При этом **Шишкин** был в кофте с длинными рукавами и в штанах, и члены *ОНК* не видели состояние тела под одеждой. Впоследствии 2 февраля **Шишкин** показал им спину и заднюю поверхность бедра, в связи с чем они зафиксировали в акте визуального осмотра:

... на всей поверхности спины **Шишкина И. Д.**, а также на задней части правого бедра (сверху) многочисленные повреждения кожных покровов (ожоги, предположительно от электрических проводов), над правым коленом на задней поверхности бедра (переходящей в переднюю) большая гематома, занимающая примерно треть бедра. Вокруг левого глаза гематома, под обоими глазами жёлтые круги.

После того, как пытки в Петербурге получили широкую огласку, в феврале 2018 года о них начали заявлять пензенские обвиняемые по делу «Сети». **Дмитрий Пчелинцев** сообщил, что пытать его начали 28 октября 2017 года сразу же после взятия под стражу. Его отвели в помещение карцера в СИЗО и пытали током с помощью «динамо-машины». Из-за пыток у него крошились зубы, была порвана уздечка языка. На следующий день **Пчелинцев** предпринял попытку суицида, разбив бачок от унитаза в камере и порезав себе руки и шею. Ему оказали медицинскую помощь.

8 февраля 2018 года **Пчелинцев** отказался от ранее данных признательных показаний и рассказал на допросе о пытках, однако, уже 14 февраля вернулся к признанию вины, стал отрицать применение к нему пыток и сообщил, что в предыдущий раз дал «ложные показания с целью ухода от уголовной ответственности». Только в мае 2018 года он рассказал, что 10 февраля его вновь подвергли пыткам.

Илья Шакурский также в феврале 2018 года рассказал, что его пытали током в карцере СИЗО. В сентябре 2018 года о пытках током заявил **Арман Сагынбаев**. По его словам, его избивали и пытали током, когда везли из Санкт-Петербурга в Пензу.

Василий Куксов и **Андрей Чернов** заявили об избиении и угрозах со стороны оперативников.

Информация о пытках одних фигурантов повлияла и на позицию последующих задержанных. Так **Чернов** рассказывал на суде, что, услышав от **Пчелинцева** о невыносимых страданиях, которые причиняли тому оперативники, согласился подписать протоколы, не дожидаясь пыток.

Юлий Бояршинов рассказал, что в первые месяцы после задержания был помещён в так называемую «пресс-хату» в СИЗО «Горелово», где он содержался в тяжёлых и унижительных бытовых условиях (перенаселённость, отсутствие личного спального места, эпидемия чесотки при отсутствии лечения и дезинфекции, выбитые окна) и подвергался насилию со стороны арестантов, сотрудничающих с администрацией (побои, издевательства, угрозы изнасилованием). По словам Бояршинова, хотя такая ситуация в целом типична для СИЗО «Горелово», обычно привилегированные арестанты издеваются над сокамерниками с целью вымогательства денег, но в его случае они действовали по заданию оперативника.

О пытках заявляли не только обвиняемые, но и свидетели по делу. Петербуржец *Илья Капустин* рассказал, что в январе 2018 года пять человек в чёрной форме и масках затащили его в минивэн, несколько часов били электрошокером в живот и в пах. Впоследствии *Капустин* покинул Россию и получил политическое убежище в Финляндии.

На суде в Пензе свидетели *Анатолий Уваров* и *Михаил Гундорин* заявили, что в октябре 2017 года оперативники доставили их в *УФСБ по Пензенской области*, надели на них наручники, поставили на колени и заставили вслух читать статью Уголовного кодекса о терроризме.

Несмотря на то, что в приговор по пензенскому делу не вошли данные на следствии признательные показания фигурантов, от которых они отказались в суде, суд учёл показания петербургских фигурантов, которые проходили по пензенскому делу в качестве свидетелей.

Шантаж

Выбор части **ст. 205.4 УК РФ** стал инструментом давления на обвиняемых со стороны следствия. Если **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ** предполагает наказание от 5 до 10 лет колонии, то **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ** предусматривает от 15 лет до пожизненного лишения свободы. *Дмитрий Пчелинцев* и *Илья Шакурский* заявляют о том, что следователи ставили их перед выбором: если они дадут устраивающие следствие показания, то будут обвинены по **ч. 2** как рядовые участники «Сети»; если же откажутся это делать, получат **ч. 1** как «создатели» террористического сообщества.

Для эмоционального давления на *Шакурского* следствие использовало его мать *Елену Богатову*. Она утверждает, что – по просьбе следователя – убеждала сына на свидании признать вину.

Вероятные подбросы и фальсификации вещественных доказательств

Из фигурантов, у которых изъяли оружие, взрывное устройство или боеприпасы, только *Юлий Бояршинов* признаёт вину. *Дмитрий Пчелинцев*, *Илья Шакурский* и *Василий Куксов* утверждают о том, что находки были подброшены им оперативниками. В пользу их утверждений свидетельствует ряд факторов. На оружии и боеприпасах, изъятых у *Пчелинцева* и *Куксова*, не было их биологических следов. Биологические следы *Шакурского* на изъятном у него взрывном устройстве были обнаружены лишь после повторной экспертизы. Обыски проходили в условиях, когда подозреваемые не могли контролировать действия оперативников.

В текстовые документы, обнаруженные на компьютерах у **Армана Сагынбаева** и **Ильи Шакурского**, которые, по утверждению следствия, содержат устав и протокол съезда «Сети», по данным независимой экспертизы, вносились изменения уже после задержания фигурантов.

Комментарии о деле

Дело «Сети» стало уникальным на фоне остальных, поскольку террористическому сообществу не вменяют ни одного группового преступления, не вменяют даже приготовления к преступлению. Всё обвинение, повлёкшее за собой приговоры до 18 лет строгого режима, строится только на предполагаемом существовании террористического сообщества, планирующего захват власти, когда представится случай, на наличии у сообщества «устава», на проведении военизированных тренировок.

Военизированные тренировки с легальным оружием или макетами оружия не запрещены в России. Более того, **Юлий Бояршинов**, к примеру, прошёл платный курс военной подготовки «Партизан», где его учили ровно тому же, что инкриминируется фигурантам дела «Сети» как отработка навыков террористической деятельности: тактической подготовке, стрельбе, навыкам выживания в дикой природе, обращению с взрывными устройствами и т.д. В России легально действуют и другие аналогичные курсы. Закон не запрещает и неформальным группам людей самостоятельно заниматься военизированными тренировками, в частности играть в страйкбол.

Дело «Сети» сконструировано из легальных действий вкуче с абстрактными домыслами и конспирологическими теориями следствия, частично подтверждёнными выбитыми под пытками показаниями, а также дополнено вероятными подбросами взрывных устройств и боеприпасов.

Новое страйкбольное дело

6 апреля 2020 года стало известно, что в Южно-Сахалинске были арестованы трое страйкболистов по делу о террористическом сообществе: **Александр Козин**, **Арсений Лесной** и **Олег Сафонов**. По имеющейся на данный момент информации, они входили в группу S.T.C.N. («Сахалинский тактический клуб националистов»), а также занимались поиском пропавших людей.

Обыски у фигурантов прошли 4 апреля. Позже «Медиазона» сообщила, что в то же утро задерживали ещё шестерых человек, они дали признательные показания и были отпущены.

У **Козина** и **Лесного** изъяли некие предметы, похожие на элементы взрывных устройств. Также у **Лесного** были найдены 11 патронов калибра 5,45 мм и предмет, похожий на запал с кольцом от гранаты. Защита и родственники предполагают, что эти находки были подброшены обвиняемым.

Как и в деле «**Сети**», фигурантам вменяют, что под видом страйкбольных тренировок они готовились к насильственному захвату власти, только в данном случае чтобы установить нацистский государственный строй. Им также инкриминируют отработку навыков выживания в дикой природе.

Общие черты в конструировании уголовных дел по ст. 205.4 УК РФ против политактивистов

Размытые границы между экстремизмом и терроризмом

Смешение понятий экстремизма и терроризма возникает не только из-за произвола правоприменителей, но и заложено в самой законодательной базе: федеральных законах «О противодействии экстремистской деятельности» (принят в 2002 году) и «О противодействии терроризму» (принят в 2006 году) и соответствующих статьях *Уголовного Кодекса РФ*. Так, в законе «О противодействии экстремистской деятельности» указывается, что экстремистская деятельность – это, в том числе, «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность» (что входит в понятие «иной» деятельности, не раскрывается). В то же время, по определению из закона «О противодействии терроризму», оправдание террористической деятельности считается террористической деятельностью. Отчасти это пересечение может объясняться тем, что закон об экстремизме был принят раньше и законодатели упомянули в нём террористическую деятельность, которая на тот момент не была описана в других нормативных документах. Тем не менее, после появления закона о терроризме определение экстремизма уточнено не было.

Ещё большую сумятицу внесла появившаяся в 2013 году **ст. 205.4 УК РФ**, в которой заявляется, что террористическим считается сообщество, созданное в том числе для совершения преступлений, предусмотренных **ст. 278 УК РФ** («Действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации») и **ст. 279 УК РФ** («Организация вооружённого мятежа либо активное участие в нём в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации»). В то же время, «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации» по-прежнему входит в определение экстремистской, а не террористической деятельности.

Всё это даёт в руки силовикам своеобразный «переключатель». В зависимости от целесообразности одни и те же высказывания, одни и те же группы можно квалифицировать и как экстремистские, и как террористические.

Несмотря на то, что в некоторой степени близость понятий экстремизма и терроризма нормальна, чёткие юридические различия между ними предельно важны. Последствия для обвиняемых и осуждённых в зависимости от вменения им экстремистских или террористических статей отличаются весьма значительно. Например:

- максимальное наказание по **ч. 1 ст. 282.1 УК РФ** составляет 10 лет лишения свободы, по **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ** только минимальное наказание составляет 15 лет лишения свободы, а максимальным при этом является пожизненное заключение;
- **ч. 1 и ч. 2 ст. 282.1 УК РФ** предусматривают альтернативные лишению свободы наказания в виде штрафа и принудительных работ, **ст. 205.4 УК РФ** альтернативных наказаний не предусматривает;
- «льготный» зачёт срока, проведённого в СИЗО, возможен для осуждённых по экстремистским статьям и невозможен для осуждённых по террористическим и т.д.

Ужесточение квалификации малозначительных насильственных действий

В ноябре 2015 года акционист *Пётр Павленский* поджёг дверь главного здания *ФСБ России*. Он был задержан, когда позировал на фоне горящей двери. Первоначально ему вменили **ч. 2 ст. 214 УК РФ** («Вандализм по мотивам политической ненависти»), затем обвинение перекалифицировали на **ч. 1 ст. 243 УК РФ** («Повреждение объектов культурного наследия») – обе эти статьи средней тяжести и предполагают до трёх лет колонии. На суде по избранию меры пресечения *Павленский* сразу же потребовал обвинить его в терроризме, как фигурантов дела *АБТО* и дела *Олега Сенцова*, совершивших похожие действия (поджог отдела УФСБ, поджог двери пророссийской общественной организации и т.д.). В дальнейшем он повторял это требование как на судах по мере пресечения, так и во время разбирательства по существу. Однако следствие, прокуратура и суд его требование не выполнили, а *Павленского* приговорили к штрафу в 500 тыс. руб. и освободили после восьми месяцев содержания под стражей.

Эту историю можно считать хорошей иллюстрацией того волонтаризма, который проявляют российские власти, когда решают, что считать поджогом или вандализмом, что хулиганством, что массовыми беспорядками, а что террористическим актом. На такие решения влияют не фактические обстоятельства

дела, а политическая целесообразность: наличие «заказа», мотива к фабрикации дела, внимание публики к процессу, возможность использовать преследование в пропагандистских целях. Если фигуранты дела *АБТО* не вызывали сколько-нибудь значимого сочувствия и интереса у общества в силу маргинальности их взглядов, а дело **Олега Сенцова** использовалось властями для нагнетания антиукраинских настроений и морального оправдания аннексии Крыма, то в жёстком преследовании популярного на тот момент в оппозиционных кругах *Павленского* не было никакого резона.

Были и другие случаи, когда похожие действия (поджог в ночное время с целью выражения политического протеста) квалифицировали по иным статьям. К примеру, в 2011 году в Братске был совершён ночной поджог офиса *«Единой России»*, дело было возбуждено по **ч. 2 ст. 167 УК РФ** (*«Умышленное уничтожение или повреждение имущества путём поджога»*), предполагающей до 5 лет лишения свободы. В апреле 2020 года в Ижевске за такие же действия было возбуждено уголовное дело по **ч. 1 ст. 213 УК РФ** (*«Хулиганство»*), также предполагающей лишение свободы на срок до 5 лет. В 2019 году в Шемуршинском районе Чувашии за поджог крыльца отдела полиции вменили **ч. 2 ст. 214 УК РФ** (*«Вандализм по мотивам политической ненависти»*). Простым поиском можно найти и многие другие аналогичные истории.

Похожие противоправные действия могут квалифицироваться как разные преступления в зависимости от целей и мотивов тех, кто их совершает. Однако доказывать намерения достаточно проблематично, и именно здесь есть место для злоупотреблений. Объективным подтверждением умысла на дестабилизацию органов власти и воздействия на принятие ими решений могли бы служить публично выдвинутые требования, воззвания. В теракте, цель которого могут узнать только правоохранительные органы по результатам расследования, нет никакого смысла. Однако в рассмотренных нами случаях нет прямых подтверждений, что «участники терактов» стремились воздействовать на органы власти. Лишь в некоторых случаях такие выводы с некоторой долей условности можно сделать из контекста (например, поджоги националистами отдела милиции в деле *АБТО* в рамках насильственной борьбы с нелегальной миграцией).

Следует, на наш взгляд, оценивать и то, насколько реально с помощью предпринятых противоправных действий повлиять на решения органов власти: ведь все фигуранты дел, о которых идёт речь, признаны виновными и могут осознавать последствия своих действий. К примеру, может ли человек в здравом рассудке полагать, что поджог сена и использованных декораций на Манежной площади вынудит органы власти сложить полномочия? Тем не менее, обвинение приписывает **Юрию Корному, Андрею Кепте и Андрею Толкачёву** именно такой умысел.

Абстрактные представления о группе и лидерстве

Установление факта, что террористическое сообщество действительно существовало, зависит от ряда сложнодоказуемых элементов: намерения участников, сплочённость сообщества, устойчивость, иерархия.

В приговоре по делу *АБТО* говорится:

«При совершении организованной группой преступлений каждый её участник согласовывал своё поведение и функции с другими участниками, признавал, что выполняет согласованную часть единых преступных посягательств, осуществляемых в связи с его принадлежностью к группе, и исполняет определённые обязанности, вытекающие из целей деятельности данной преступной организации. Вклад участников организованной группы в каждое конкретное преступление и в преступную деятельность в целом был неравнозначен по объёму выполненных действий, но в совокупности, в конечном итоге, он приводил к достижению общих преступных целей».

Данная цитата хорошо характеризует то, насколько абстрактные утверждения кладутся в основу обвинения в причастности к террористическому сообществу (или организованной группе). Отметим, что если в деле *АБТО* речь идёт только о квалифицирующем признаке, утяжеляющем обвинение в совершении теракта, то в последующих случаях примерно такими же абстрактными утверждениями доказывается самостоятельное обвинение. В деле *«Сети»* террористическому сообществу, к примеру, не вменяют подготовку ни одного конкретного теракта – обвинение заключается, главным образом, в самом существовании этого сообщества.

Пользуясь размытостью представлений о том, насколько сплочённой и устойчивой должна быть группа, следствие периодически сводит в одно сообщество едва знакомых или враждующих между собой людей. Так, в деле *«Сети»* следствие и суд не учли, что **Дмитрий Пчелинцев** и **Илья Шакурский** были в ссоре по личным причинам. Фигурант одного из московских дел *«Артподготовки»* **Юрий Корный** утверждает, что был в натянутых отношениях с **Надеждой Петровой**, с которой якобы состоял в одном террористическом сообществе, и не исполнял её поручения. В другом деле *«Артподготовки»* обвинение отказалось от вменения фигурантам **ст. 205.4 УК РФ**, потому что сочло, что группа не успела стать сплочённой и устойчивой (но сохранило квалифицирующий признак). Остаётся непонятным, как именно проводится граница между устойчивой и не устойчивой группой, чем снимавшие одну комнату **Сергей Озеров**, **Олег Дмитриев** и **Олег Иванов** принципиально отличаются от фигурантов дела *«Сети»*, среди которых даже не все были знакомы между собой.

Обвинения в руководстве террористическим сообществом в разы утяжеляют положение фигуранта как из-за санкций **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ**, так и из-за того, что руководитель несёт ответственность за преступления, совершённые участниками сообщества даже без его личного участия. В делах, которые мы рассматривали, лидерство остаётся столь же абстрактной категорией, как и отличительные черты сообщества. История о том, как **Пчелинцеву** и **Шакурскому** меняли обвинения с **ч. 2** на **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ** в зависимости от их (не) лояльности к следствию, достаточно хорошо иллюстрирует, как легко обвинение может переключаться между вменением ролей лидера и рядового участника без каких-либо изменений обстоятельств дела.

Роль показаний обвиняемых и свидетелей

При нехватке вещественных доказательств показания обвиняемых и свидетелей играют огромную роль. Тем более, если необходимо доказать такие нематериальные явления как умысел на дестабилизацию деятельности органов власти, устойчивость группы, факт того, что сообщество создавалось с намерением участвовать в террористической деятельности. По сути, именно то, что делает условный поджог терактом, что делает компанию приятелей (или даже малознакомых людей) террористическим сообществом, часто доказывается исключительно словами. Это мотивирует силовиков применять сомнительные или преступные методы получения показаний, а именно пытки, шантаж, засекречивание свидетелей.

В трёх из пяти рассмотренных случаев (в деле **АБТО**, деле **Олега Сенцова**, деле «**Сети**») обвиняемые заявляли о том, что у них получали признательные показания под пытками: использовались избиения, пытки током, удушением. Как правило, суд учитывает признательные показания, данные на следствии, несмотря на последующий отказ от них обвиняемого (в частности, так было с **Иваном Асташиным**). Суд, выносивший приговор по пензенскому делу «**Сети**», всё же не стал включать данные на следствия показания обвиняемых в приговор, хотя и указал:

Суд расценивает их [заявления о пытках] как намеренное введение в заблуждение общественности, направленное на дискредитацию собственных первоначальных показаний и придание уголовному делу значительного общественного резонанса.

Тем не менее, показания свидетелей, от которых те отказались, в приговор были включены.

Нередко свидетелями выступают другие обвиняемые, дела которых выделены в отдельное производство. Это даёт возможность для ещё одной манипуляции: учитывать в приговоре показания, которые человек давал в качестве обвиняемого, а значит не нёс ответственности за ложные показания, то есть имел законное право лгать в свою защиту. Если **Алексей Чирний**, выступая свидетелем по делу **Олега Сенцова**, хотя бы подтвердил данные на следствии показания, то **Геннадий Афанасьев** на том же процессе, равно как и **Виктор Филинков** на суде по делу пензенской ячейки «Сети» отказались от данных ранее показаний, но суды всё равно положили их в основу приговоров.

Шантаж со стороны следствия, гласные и негласные договорённости о смягчении наказания или освобождении от уголовной ответственности делают свидетелей-подельников зависимыми от следствия и могут мотивировать к оговору других фигурантов. Так, в деле «Сети» большую роль играют показания **Егора Зорина**, освобождённого от уголовной ответственности за участие в террористическом сообществе и приговорённого к условному сроку за хранение наркотиков.

Засекреченные свидетели широко используются в уголовных делах об экстремизме и терроризме. Возможность «при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц» скрыть данные о личности свидетеля и допрашивать его в условиях, исключающих визуальное наблюдение, установлена **ч. 5 ст. 278 Уголовно-процессуального кодекса РФ**. На практике решение о засекречивании данных о личности некоторых свидетелей принимаются на этапе следствия, и суды во всех известных нам случаях удовлетворяют ходатайства обвинения о допросе засекреченных свидетелей без раскрытия данных о личности, без визуального наблюдения и с изменённым голосом. Подсудимые и их защитники не имеют доступа к информации о том, кто именно свидетельствует в пользу обвинения, и поэтому не могут опровергнуть слова секретного свидетеля или доказать, что у того есть мотив для дачи ложных показаний.

Приходится констатировать, что гособвинение использует засекреченных свидетелей для того, чтобы наиболее полно подтвердить фабулу обвинения, когда недостаточно иных доказательств. К примеру, на суде по делу **Сергея Озерова**, **Олега Дмитриева** и **Олега Иванова** давал показания секретный свидетель под псевдонимом «Максим Максимов». Он уверенно заявил, что подсудимые готовили «коктейли Молотова», планировали поджоги и обсуждали всё это в чатах Telegram и даже лично сообщали ему. При этом председательствующий не позволил защите выяснить, когда состоялся этот разговор и бывал ли «Максимов» у подсудимых в квартире, потому что «ответ может повлечь рассекречивание данных свидетеля». Дело пензенской ячейки «Сети» известно тем, что виновность фигурантов обосновывалась в частности показаниями секретных свидетелей «Зайцева», «Волкова», «Лисина» и «Снупова». Все они утверждали,

что были сокамерниками некоторых фигурантов (**Дмитрия Пчелинцева**, **Василия Куксова**) и эти фигуранты сами им рассказали, что у них есть боевая группа, готовящая массовые беспорядки и революцию.

Криминализация легальных действий

Легальные, не запрещённые законом действия, с подачи следствия регулярно превращаются в часть обвинения, в элемент, подтверждающий, что фигуранты действительно террористы. Ярче всего это проявилось в деле «Сети», где основным преступлением была назначена отработка военных приёмов. В подтверждение того, что участники «Сети» всерьёз готовились к насильственному захвату власти, приводится и то, что они получали навыки выживания в лесу. В деле **Олега Сенцова** одним из доказательств обвинения был тот факт, что у некоторых фигурантов дома хранились аптечки первой помощи: по логике обвинения, это означает, что они готовились к боевым столкновениям.

Часто подтверждением преступных намерений фигурантов называют использование защищённых мессенджеров для переписки, хотя никто не запрещает людям принимать законные меры по защите тайны своей переписки. Это происходит не только в делах по **ст. 205.4 УК РФ**, но в иных террористических (и не только) делах.

Дополнительно к наказанию

Как закон утяжеляет положение обвиняемых и осуждённых по ст. 205.4 УК РФ

Законодательство предполагает целый ряд дополнительных ограничений для обвиняемых и осуждённых по **ст. 205.4 УК РФ**. В большинстве случаев те же ограничения касаются обвиняемых и осуждённых по всем террористическим статьям (за исключением нетяжкой **ст. 205.6 УК РФ** – «Несообщение о преступлении») и по статьям, которые считаются близкими к террористическим, то есть о незаконном вооружённом формировании, насильственном захвате власти и пр. Также в некоторых случаях аналогичные ограничения накладываются на обвиняемых и осуждённых по экстремистским статьям. Однако, поскольку доклад посвящён применению **ст. 205.4 УК РФ**, в дальнейшем речь пойдёт в основном о ней.

Следствие, суд и назначение наказания

В общем случае возраст уголовной ответственности наступает с 16 лет. С 2016 года для **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ** возраст уголовной ответственности понижен до 14 лет.

Обвиняемые по **ст. 205.4 УК РФ** не могут быть освобождены от ответственности по истечении сроков давности, также не применяются сроки давности исполнения приговора.

Обвиняемые в терроризме не имеют права на суд присяжных. Это не просто снижает, а в контексте сложившейся в России ситуации фактически лишает подсудимых шанса на оправдание. Так, доля оправдательных приговоров в целом в 2019 году, согласно статистике *Судебного департамента Верховного суда РФ*, составила 0,25%, тогда как присяжные, по словам председателя Верховного суда Вячеслава Лебедева, оправдали в 2019 году примерно 25% подсудимых.

Судам запрещено назначать срок наказания ниже нижнего предела (15 лет лишения свободы по **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ** и 5 лет лишения свободы по **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ**) или назначать более мягкий вид наказания, чем предусмотрен

статьей (**ст. 205.4 УК РФ** предполагает только лишение свободы). Запрещено назначать условное наказание по **ч. 2** (тяжесть **ч. 1** вообще не предполагает условного наказания). Единственные возможные исключения – сделка со следствием или особый порядок судебного разбирательства при согласии с предъявленным обвинением.

Максимальный срок по совокупности преступлений, если хотя бы одно из них предусмотрено **ст. 205.4 УК РФ**, может составлять 30 лет (в общем случае 25), а по совокупности приговоров – 35 лет (в общем случае 30) .

По **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ** гражданам России в обязательном порядке назначается дополнительное наказание в виде ограничения свободы после отбытия срока в колонии. Людям, к которым применено это наказание, запрещено менять место жительства без согласия специализированного госоргана, а также выезжать за пределы муниципального образования. Суд также возлагает на осуждённого обязанность регулярно являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осуждёнными наказания в виде ограничения свободы. Осуждённому может быть запрещено уходить из дома в определённое время суток, посещать определённые места, посещать места проведения массовых и иных мероприятий и участвовать в них.

Отсрочка наказания для воспитания ребёнка невозможна. Несовершеннолетние осуждённые по **ст. 205.4 УК РФ** не могут быть освобождены от наказания в связи с помещением в закрытое учебно-воспитательное учреждение.

Тюремный режим

В конце 2019 года был принят закон, согласно которому суды обязаны назначить часть срока в тюрьме мужчинам, признанным виновными по **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ**. Минимальный срок, который эти осуждённые должны будут провести в тюрьме, составляет год, причём как минимум год тюрьмы должен остаться уже после того, как будет зачтён срок пребывания в СИЗО. Мужчинам, осуждённым по **ч. 2 ст. 205.4** на срок более 5 лет, суд по своему усмотрению может назначить отбывание части срока в тюрьме. Норма, по всей видимости, будет применяться к осуждённым, которые были задержаны после принятия закона, то есть с начала 2020 года.

Тюрьма предполагает самый суровый режим содержания из возможных в РФ. Осуждённые содержатся в запираемых камерах и покидают их под конвоем только на время прогулок, встреч с адвокатом, свиданий и, если они трудоустроены, работы в каком-либо из помещений тюрьмы (в реальности работа

для осуждённых в тюрьмах – большая редкость). Прогулки, свидания, посылки и передачи, количество денег на счету ограничены в большей степени, чем на остальных режимах.

В общем случае осуждённые после отбытия половины назначенного судом срока в тюрьме могут при наличии положительных характеристик перевестись в колонию строгого режима. У осуждённых по **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ** такой возможности нет.

Выбор колонии

Если в общем случае закон обязывает отправлять осуждённых к лишению свободы в колонию, находящуюся в регионе, где они проживали или были осуждены, при наличии в этом регионе мест, то осуждённых по террористическим эта норма не касается: ФСИН может отправлять их в любую точку России.

1 апреля 2020 года *Владимир Путин* подписал закон (вступит в силу через 180 дней после официального опубликования), который требует при отсутствии мест в регионе проживания осуждённых размещать их в ближайшем соседнем регионе. Также этот закон даёт осуждённым возможность ходатайствовать о переводе в регион, где проживает их близкий родственник. Осуждённых за терроризм эти смягчения также не касаются.

Зато *ФСИН* может без каких-либо значимых обоснований переводить осуждённых за терроризм из одной колонии в другую, тогда как в общем случае осуждённых надлежит по возможности содержать в одной и той же колонии на протяжении всего срока.

Смягчение наказания, облегчение условий наказания

Осуждённые по **ст. 205.4 УК РФ** могут ходатайствовать об условно-досрочном освобождении только по отбытии $\frac{3}{4}$ срока. В общем случае осуждённые за тяжкие преступления могут просить об УДО после $\frac{1}{2}$ срока, а за особо тяжкие – после $\frac{2}{3}$ срока.

Если осуждённый по **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ** приговорён к наказанию в колонии общего режима, «льготный» зачёт срока, проведённого в СИЗО (один день в СИЗО за полтора дня колонии), не действует. По **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ** может быть назначен срок только в колонии строгого или особого режима и в тюрьме.

Уголовно-исполнительный кодекс предусматривает для осуждённых возможность получить с разрешения администрации колонии отпуск по исключительным обстоятельствам (например, в связи со смертью близкого родственника)

или для свидания с ребёнком. Хотя эта норма и в целом, скорее, иллюзорна, на осуждённых по **ст. 205.4 УК РФ** и другим террористическим статьям она не распространяется в принципе.

Административный надзор после отбытия срока

В 2017 году был принят закон, согласно которому за людьми, отбывшими наказание по террористическим статьям, после освобождения из колонии устанавливается административный надзор до погашения судимости. Срок погашения судимости по **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ** составляет 8 лет, а по **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ** – 10 лет.

Общим требованием для всех поднадзорных является явка в органы внутренних дел от одного до четырёх раз в месяц (точное количество раз устанавливает суд). Кроме того, суд может наложить запреты на: пребывание в определённых местах, посещение массовых и иных мероприятий, пребывание вне дома в определённое (обычно ночное) время суток, выезд за пределы определённой территории.

Приговорённые к ограничению свободы после отбытия тюремного срока, сначала отбывают ограничение, а потом за ними устанавливается административный надзор. Например, человек, отбывший 15-летний срок за создание террористического сообщества, может ещё 12 лет находиться под достаточно суровыми ограничениями «на воле».

Список Росфинмониторинга

Подозреваемые и обвиняемые в преступлениях террористической или экстремистской направленности, а также осуждённые за такие преступления включаются Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) в Перечень террористов и экстремистов. Это означает блокировку банковских счетов. Персона, внесённая в список Росфинмониторинга, имеет право снимать из зарплаты (пенсии, стипендии) лишь по 10 тыс. руб. в месяц на себя и каждого члена семьи, не имеющего другого дохода. Также разрешается получать социальные выплаты. На практике это означает, что каждое получение денег требует предоставления пакета документов в банк.

Исключение из списка возможно в случае отмены приговора, прекращения уголовного преследования или снятия судимости. Как было указано выше, для погашения судимости осуждённым по **ч. 2 ст. 205.4 УК РФ** требуется 8 лет после отбытия наказания, по **ч. 1 ст. 205.4 УК РФ** – 10 лет.

Как обвинение в терроризме неформально ухудшает положение обвиняемых и осуждённых

Прежде всего, обвинение в терроризме формирует негативное общественное мнение в отношении обвиняемых. В сознании большинства с терроризмом ассоциируются массовые жестокие убийства: взрывы многолюдных мест, расстрелы толпы, давка людей грузовым автомобилем и т.д. Согласно социологическому опросу, проведённому в апреле 2020 года *«Левада-центром»*, 80% опрошенных россиян считают, что террористов надо ликвидировать, и этот показатель выше, чем для педофилов и убийц.

Большинство граждан по объективным причинам не имеют возможности подробно анализировать суть обвинений, специфику антитеррористического законодательства и его применение, поэтому во многих случаях исходят из негативных предубеждений.

Это делает обвинения в терроризме удобным инструментом пропаганды. К примеру, активно использовалось в пропаганде дело **Олега Сенцова**.

Основной целью преступной деятельности группы являлось совершение диверсионно-террористических актов в городах Симферополь, Ялта и Севастополь, а в последующем уничтожение ряда объектов жизнедеятельности, железнодорожных мостов, линий электропередач,

– заявила ФСБ, и это сообщение процитировали многие СМИ.

При этом мало кто знает, что о мостах и линиях электропередач **Алексей Чирний** упоминал единожды и вскользь, более того, из записи его разговора следует, что взрывать такие объекты предлагал даже не он сам, а его друзья, ставшие впоследствии свидетелями обвинения.

В свою очередь, *Владимир Путин* на просьбу режиссёра *Александра Сокурова* освободить **Сенцова** ответил: «... он фактически посвятил свою жизнь террористической деятельности... и слава Богу, что нет [смертей], но могли бы быть, если бы ему позволили осуществить его намерения».

Властям политически невыгодно проводить амнистии для осуждённых по террористическим статьям (по крайней мере, за последние годы мы не наблюдали ни одного такого акта), смягчать или декриминализовывать уголовные статьи.

Низкой информированности общества об уголовных делах по террористическим статьям способствуют органы следствия, суды. Следователи часто берут с адвокатов подписку о неразглашении, таким образом, обстоятельства уголовного дела остаются неизвестными общественности до окончания расследования. Продления срока содержания под стражей в отношении подследственных в некоторых случаях проводятся в закрытом режиме, практикуются ограничения деятельности журналистов. Так, в марте 2018 года судебный пристав Дзержинского районного суда Санкт-Петербурга запретил корреспондентке «Медиазоны» *Саше Богино* вести текстовую трансляцию с продления ареста фигуранту дела «Сети» **Игорю Шишкину**, а затем удалил *Богино* и другого корреспондента издания *Давида Френкеля* с заседания.

Судебные заседания по существу проводятся, в основном, в открытом режиме, однако, некоторые их части могут быть закрытыми. Как уже упоминалось в соответствующей главе, допрос обвиняемого по одному из московских дел «Артподготовки» **Андрея Кепти** проходил в закрытом режиме. Военные суды, рассматривающие террористические дела, редко своевременно публикуют информацию о датах заседаний, периодически скрывают на своих сайтах имена обвиняемых и никогда не публикуют тексты приговоров. Исключением была *коллегия по делам военнослужащих Верховного суда России*, публиковавшая большинство апелляционных определений, но с октября 2019 года апелляции по делам о терроризме рассматриваются *Апелляционным военным судом во Власихе* (посёлок городского типа в Московской области), который судебные акты по таким делам не публикует. Кроме того, Власиха является закрытым административно-территориальным образованием (ЗАТО), въезд на территорию которого осуществляется по спецпропускам. По сообщениям людей, пытавшихся присутствовать на заседаниях *Апелляционного военного суда*, слушателей и журналистов не пускают внутрь посёлка, а заседание транслируют на контрольно-пропускном пункте.

Резюме

2012 год. Вынесен приговор по делу *АБТО*, которое частично строилось на ряде реальных преступлений по мотивам ненависти против уязвимой группы людей. Обвинённый в этих и других преступлениях (в совокупности в восьми террористических актах и подготовке ещё одного), а также в руководстве террористами *Иван Асташин* получил 13 лет колонии, в апелляции этот срок сократили до 9 лет и 9 месяцев. Люди, действительно неоднократно участвовавшие в поджогах палаток мигрантов, получили до 12 лет колонии.

2015 год. *Александр Кольченко* получил 10 лет колонии за участие только в одном поджоге будущего офиса «Единой России».

2018 год. Фигурантов дела *БАРС* обвинили в терроризме только на основании приписываемого им хейт-спича в адрес других национальностей и *Владимира Путина*.

2019 год. *Сергея Озерова, Олега Дмитриева и Олега Иванова* приговорили к срокам от 7 до 8 лет колонии за приготовление к поджогу объекта, не известного ни обвинению, ни обвиняемым.

2020 год. Фигуранты дела *«Сети»*, которым не вменяли ни одного группового преступления, кроме самой причастности к террористическому сообществу, якобы готовившему революцию, получили до 18 лет колонии. *Юрия Корного* приговорили к 10 годам колонии за несостоявшийся поджог сена и использованных декораций. Ждёт суда *Сергей Рыжов*, обвиняемый в подготовке террористической атаки против неизвестного объекта.

Таким образом, мы видим развитие и ужесточение репрессий против политических активистов с помощью обвинений в групповом терроризме и конкретно с использованием **ст. 205.4 УК РФ**:

- Власти всё более активно используют неопределённости в антитеррористическом законодательстве (размытую разницу между экстремизмом и терроризмом, разницу между поджогом, хулиганством и терактом, понятия сплочённости группы, лидерства и т.д.). Обвинения в терроризме зависят в основном от интерпретаций, зачастую спорных или заведомо необоснованных.

- Следствие заинтересовано в том, чтобы добиваться подтверждения таких интерпретаций жестокими и преступными способами, включая пытки обвиняемых и свидетелей и подбросы вещественных доказательств.
- Необходимость в **ст. 205.4 УК РФ**, в целом, является спорной, так как существует и квалифицирующий признак «*совершение организованной группой*», утяжеляющий обвинение в теракте, и отягчающее обстоятельство «*совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества*» (**п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ**), применимое к любому преступлению. Понятно, однако, что применить отягчающее обстоятельство или квалифицирующий признак **ст. 205.4 УК РФ** можно лишь при совершении конкретного преступления, а **ст. 205.4 УК РФ** «хороша» тем, что её можно применять и без конкретных преступных действий, приговаривая обвиняемых к огромным срокам наказания.
- Российское антитеррористическое законодательство по факту распространило понятие терроризма на подготовку революций, свержения власти. В частности, группа, объединившаяся для свержения власти, считается террористическим сообществом. При этом такое понимание терроризма шире, чем зафиксировано в международном праве, например, в Резолюции Совета безопасности ООН 1566 или в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1999 году. Более того, и в соответствии с российским законодательством насильственное изменение основ конституционного строя, насильственное воспрепятствование законной деятельности государственных органов соответствует определению экстремистской, а не террористической деятельности.

Между тем, цена ошибки и злоупотребления властей в делах о террористических сообществах (как и в других делах о терроризме) предельно высока. По **ст. 205.4 УК РФ** возможно применение пожизненного заключения, а также действует целый ряд законов, существенно ухудшающих жизнь обвиняемых и осуждённых по данной статье. Более того, обвинение в терроризме становится специфическим клеймом, создающим существенные проблемы в том, чтобы донести до общества факт несправедливости преследования.

Применение статьи о террористических сообществах, особенно против политических активистов, пока не является массовым. Однако система конструирования подобных уголовных дел обрела общие черты, и это несёт огромную опасность резкого ужесточения репрессивных практик.

**Этот материал выпущен МОО ПЦ «Мемориал»,
который внесён в реестр,
предусмотренный ст. 13.1.10 ФЗ «Об НКО».
Мы обжалуем это решение.**

ПРАВозАЩИТНый ЦЕНТР «МЕМОРИАЛ»
MEMORIAL HUMAN RIGHTS CENTER

127051, Россия, Москва,
Малый Каретный пер., д. 12

Т.: +7 (495) 225-3118
Ф.: +7 (495) 699-1165

memohrc@memohrc.org
www.memohrc.org